

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт

институт

Кафедра международного права

кафедра

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

_____ Т.Ю. Сидорова

подпись инициалы, фамилия

« _____ » _____ 20 __ г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01 Юриспруденция, 40.03.01.01 Международное и иностранное право

код – наименование направления

Ответственность за применение автономных систем вооружения в
международном вооруженном конфликте

тема

Руководитель

подпись, дата

к.ю.н., доцент кафедры

должность, ученая степень

В.В. Терешкова

инициалы, фамилия

Выпускник

подпись, дата

А.В. Бурнакина

инициалы, фамилия

Красноярск 2020

Содержание

Введение	3
Глава 1. Институт ответственности в международном праве	6
1.1 Международная ответственность: понятие и субъекты	6
1.2 Международная ответственность государств	11
1.3 Индивидуальная ответственность в международном праве	23
Глава 2. Привлечение к ответственности за применение автономных систем вооружения в международном вооруженном конфликте.....	28
2.1 Типология вооруженных конфликтов и правовое регулирование применения автономных систем вооружения	28
2.2. Ответственность за применение автономных систем вооружения ..	41
Заключение	61
Список использованных источников	65

Введение

Развитие военных технологий в совокупности с искусственным интеллектом уже достигло такого уровня, при котором использование прогрессивных новейших средств ведения войны является реальной угрозой нарушения норм международного права. Автономные системы вооружения, характеризующиеся низкой степенью значимого человеческого контроля или же его полным отсутствием, активно разрабатываются различными государствами и уже используются в современных вооруженных конфликтах.

Главная проблема при применении полностью автономных систем вооружения обусловлена отсутствием правовой регламентации их использования на международном уровне. Применение данного типа оружия может привести к нарушению норм международного гуманитарного права. Так, перспектива регулирования применения полностью автономных систем вооружения на протяжении нескольких последних лет обсуждается в рамках Конвенции 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (далее – Конвенция о некоторых видах обычного оружия, КНО).

Однако возникающие в связи с разработкой и использованием не только правовые, но и моральные, этические проблемы поднимают вопрос об ограничениях на последующие разработку и применение автономных систем вооружения, действующих без человеческого контроля. Пробелы в правовом регулировании создают неопределенность в контексте применения норм о международной ответственности.

Вопросы привлечения к ответственности за использование автономных систем вооружения активно изучаются в работах зарубежных (Noel E. Sharkey, V. Boulanin, M. Verbruggen, Marco Sassóli, Ronald C. Arkin, A.

Krishnan, A. Sharkey и др.) и российских исследователей (А.Ю. Скуратова, Е. Е. Королькова, О.В. Демидов). К сожалению, российские авторы не уделяют внимания данной теме, на сегодняшний день опубликовано незначительное количество работ по данной проблеме, в работах затрагиваются отдельные фрагменты темы. В доктрине отсутствует комплексное и всестороннее исследование проблемы. В диссертации А.Н. Смирновой этот вопрос был затронут частично в 2017 г.¹

Данное исследование посвящено следующим вопросам: что представляет собой институт ответственности в международном праве, какая специфика имеется в привлечении к международной ответственности государств и индивидов; изучение концепции автономных систем вооружения, а также какие существуют основания и субъекты для применения норм об ответственности за использование автономного оружия в вооруженном конфликте.

Объектом исследования являются материальные правоотношения, возникающие в связи с привлечением к международной ответственности за применение полностью автономных систем вооружения.

Предметом исследования являются основания, существующие в международном гуманитарном праве и международном праве прав человека для привлечения к ответственности за применение автономного вооружения, а также круг лиц – потенциальных субъектов ответственности.

Цель исследования – анализ правовых проблем, связанных с применением норм о международной ответственности в контексте использования автономных систем вооружения в вооруженном конфликте.

Для достижения вышеназванной цели поставлены следующие **задачи**:

¹ Смирнова А.Н. Прогрессивное развитие норм международного гуманитарного права о запрещенных методах и средствах ведения войны: дис. канд. юрид. наук: 12.00.10 [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека – Режим доступа: <https://www.rsl.ru>.

1. Определить понятие и правовое значение ответственности в рамках международного права;
2. Изучить особенности привлечения к международной ответственности государств и индивидов;
3. Исследовать понятие и типологию вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве;
4. Дать характеристику полностью автономным системам вооружения;
5. Рассмотреть особенности ответственности за применение автономных систем вооружения, включая основания и субъекты.

Эмпирическую базу данного исследования составляет практика международных судебных учреждений и трибуналов (Постоянная палата международного правосудия, Международный Суд ООН, МТБЮ и т.д.), нормы договорного и обычного международного права (Проект статей об ответственности государств, Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним, Международный пакт о гражданских и политических правах и т.д.), а также доктринальные источники.

Структура данной работы обусловлена её содержанием и представлена введением, основной частью, состоящих из 2 глав, заключением и библиографическим списком.

Глава 1. Институт ответственности в международном праве

1.1 Международная ответственность: понятие и субъекты

Международная ответственность, как один из основополагающих принципов международного права, представляет собой взаимное стремление участников международной правовой системы избежать причинения вреда друг другу.² Как было справедливо отмечено в юридической литературе, «ответственность лежит в основе международного права, она является существенной составной частью того, что можно назвать Конституцией международного сообщества».³

Международная ответственность находится в тесной взаимосвязи с понятием суверенитета государств и влияет на его определение, в то время как высокая значимость принципа суверенитета в международных отношениях неизбежно влияет на концепцию международной ответственности.⁴ Действительно, наличие и признание принципа суверенитета государств не исключает взаимосвязи между государствами, поскольку ни одно из современных государств не находится в отрыве от международного сообщества. Политические, экономические, военные, культурные, идеологические, торговые и другие межгосударственные связи между странами развиваются и углубляются из года в год.⁵ Из этого можно сделать логичный вывод, что государство вправе определять свой вектор развития, однако лишь в рамках, установленных международным правом в целом и договорными обязательствами перед другими государствами. Действия, выходящие за эти рамки, могут быть квалифицированы как противоправные и могут повлечь применение норм об ответственности.⁶ В международном правопорядке такое положение вещей является

²Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве. - 2-е изд., стер. М.: Статут., - 2014. - С. 19.

³P. Reuter, 'Trois observations sur la codification de la responsabilité internationale des États pour fait illicite', *Le droit international au service de la paix, de la justice et du développement*. - Mélanges Michel Virally, (Pedone, Paris, 1991), p. 390.

⁴J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson, 'The Law of International Responsibility', Oxford University Press, 2010, p. 3.

⁵Чепров И.И. Новые проблемы международного права. Международные отношения, 1969.

⁶Колосов Ю.М. Указ. Соч. С. 11-12.

необходимым следствием самого права: если мы будем отрицать идею ответственности государства только на том основании, что она противоречит идее суверенитета, мы будем вынуждены отрицать существование международного права как такового.⁷ В данном случае допустимо говорить о принципе: «нет ответственности, нет закона».⁸

Институт ответственности глубоко эволюционировал вместе с самим международным правом: ответственность является следствием международного права, наилучшим доказательством его существования и наиболее достоверной мерой его эффективности; и хотя некоторые сходства между международной ответственностью и системами ответственности в национальном законодательстве были подтверждены, ответственность международного характера сохраняет свою заметную специфику.⁹

Единого определения международной ответственности в доктрине не сформировано. Многие юристы предлагают свои определения ответственности. Так, Г.В. Игнатенко предложил рассматривать данное явление как «юридическое средство обеспечения соблюдения норм международного права и восстановления нарушенных прав и отношений».¹⁰ Д.Б. Левин определял ответственность через призму политики, как «коллективную ответственность политических организмов за противоправное поведение своих органов, должностных лиц и даже находящихся под их властью частных лиц, то есть [...] ответственность, воплощающая в себе политические отношения государств».¹¹

Традиционное понимание международной ответственности было сформулировано еще в XVII веке Г. Гроцием, не проводившим на тот момент различия между ответственностью отдельных лиц и ответственностью

⁷R. Ago, 'Third Report on State Responsibility', ILC Yearbook 1911, Vol 11(1), 199,205, para.31.

⁸J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson, 'The Law of International Responsibility', Oxford University Press, 2010, pp. 4-5.

⁹Ibid, p.3.

¹⁰Игнатенко Г.В. Международное право: учебник для вузов. М: Норма-Инфра. – 1999. – С. 85.

¹¹Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. Международные отношения. – 1966. – С. 37.

государства, однако признавшим, что вследствие причиненного вреда по естественному закону природы возникает обязанность возмещения ущерба, если таковой был причинен.¹² Эта классическая теория, которая до сих пор поддерживается некоторыми авторами¹³, была более ясно выражена Д. Анцилотти: противоправное деяние, то есть нарушение международного обязательства, сопровождается появлением новых правовых отношений между государством, которому данное деяние присваивается и которое обязано произвести возмещение; и государством, в отношении которого существует неисполненное, либо нарушенное обязательство и уполномоченное требовать такого возмещения.¹⁴ Данный тезис нашел свое отражение и в практике Постоянной палаты международного правосудия в деле *Factory at Chorzów*,¹⁵ в соответствии с которым смысл международной ответственности сводится к обязанности одного государства произвести репарации в отношении другого.

Однако на данный момент превалирует точка зрения о том, что вышеуказанная концепция международной ответственности – это строго частный, гражданско-правовой подход и, что более важно, относящийся исключительно к межгосударственным отношениям¹⁶, не учитывающий специфики современного международного права. Данный подход соответствовал требованиям международного сообщества с участием лишь конкурирующих между собой суверенных государств, поскольку именно государства длительное время рассматривались как единственные субъекты международного права. Сегодня же само понятие ответственности было радикально изменено в результате эволюции международного права,

¹² Н. Grotius, 'The Rights of War and Peace', 1625, Ch. XVII, para 1 (vol II, 884).

¹³ См. например: Батычко В.Т. Международное право. Конспект лекций. Таганрог: ТТИ ЮФУ, - 2011; Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: Учебник для студентов юридических факультетов и вузов - Издание 3-е. М.: Волтерс Клувер, - 2005. – С. 373-374.

¹⁴ D. Anzilotti, 'The Law of International Responsibility of States', (Paris, Panthéon-Assas/LGO], 1999), p. 467.

¹⁵ Permanent Court of International Justice (PCIJ), *Factory at Chorzów*, Merits, (1928), PCIJ, Series A, No 17, paras. 4, 29.

¹⁶ J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson, 'The Law of International Responsibility', Oxford University Press, 2010, p. 5.

которое, во-первых, не рассматривает больше устранение ущерба в качестве условия для привлечения к ответственности; во-вторых, признает международную правосубъектность других лиц, помимо государства; а, в-третьих, допускает ситуации, при которых ответственность может наступать и вследствие осуществления правомерных с точки зрения международного права действий (например, причинение вреда окружающей среде в результате законной деятельности по освоению космоса¹⁷).

Если говорить о первом изменении в концепции международной ответственности, стоит отметить, что исключение возмещения ущерба из системы элементов ответственности, безусловно, не означает, что причиняемый вред не играет никакой роли. Правильнее будет сказать, что возмещение ущерба, если оно имеет место быть, находится не на уровне запуска механизма ответственности, а на уровне новых правовых отношений, возникающих *post factum* в результате признания субъекта ответственным за противоправное деяние.¹⁸ К такому же выводу пришла Комиссия международного права ООН (далее – КМП), рассматривая данный вопрос. Члены комиссии подчеркнули, что сегодня международное право накладывает на государства все больше и больше обязательств в отношении их собственных граждан, для примера нужно лишь обратиться к конвенциям о правах человека или международным конвенциям по трудовому праву. Если одно из этих международных обязательств нарушается, то, как правило, такое нарушение не наносит ни какого-либо экономического ущерба другим государствам-участникам конвенции, ни даже какого-либо незначительного морального вреда их чести или достоинству. Тем не менее, данное нарушение явно представляет собой международно-противоправное деяние.¹⁹

¹⁷K. Wellens, 'Remedies Against International Organizations', Cambridge University Press, (2002), pp. 10-27; Malcolm N. Shaw, 'International Law', 7th edition, Cambridge University Press, (2014), p. 952.

¹⁸J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson, 'The Law of International Responsibility', Oxford University Press, 2010, p. 9.

¹⁹United Nations (UN), Documents of the twenty-fifth session including the report of the Commission to the General Assembly, Yearbook of the International Law Commission (ILC), (1973), Volume II, pp. 183-184; ILC, Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts (ARS), with commentaries, (2001), pp. 35-36.

Поэтому, если взять за основу утверждение о том, что ущерб является элементом любого международно-противоправного деяния, мы вынуждены прийти к выводу, что любое нарушение международного обязательства по отношению к другому государству связано с неким видом нанесения "вреда" этому другому государству; что не сопоставимо с действительностью. Таким образом, КМП сформулировала позицию, согласно которой возмещение ущерба не является необходимым основанием для привлечения к международной ответственности. Безусловно, данный элемент может присутствовать в одном конкретном случае или даже в большинстве дел, однако не носит обязательного характера.²⁰

Возвращаясь ко второму изменению международного права, здесь главное отличие от традиционного определения состоит в том, что международное публичное право не является больше «правом государств».²¹ В связи с диверсификацией субъектов международного права и признанием определенной меры международной правосубъектности и за другими участниками международных правоотношений²², монополия государств, как единственных субъектов, которые могут нести ответственность на международном уровне в результате нарушения международных предписаний, исчезла.²³

По аналогии с национальным законодательством понятие правосубъектности используется в международном праве для проведения различия между теми субъектами, которые являются частью международно-правовой системы, и теми, кто исключен из нее.²⁴ Как отметил Международный Суд ООН (далее также – Международный Суд) в консультативном заключении по делу *Reparation for Injuries*, международная

²⁰Ibid.

²¹ H. Lauterpacht, 'International Law', Cambridge University Press, (1977), p. 489.

²²International Court of Justice (ICJ), *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations*, ICJ Reports, (1949), paras.174, 179.

²³J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. 'The Law of International Responsibility', Oxford University Press, 2010, pp. 6-7.

²⁴R. Portmann, 'Legal Personality in International Law', Cambridge University Press, (2010), p. 3.

правосубъектность – спорная концепция, приводящая к возникновению противоречий,²⁵ и единые критерии международной правосубъектности не выработаны до сих пор. Тем не менее, на данный момент установлено, что в зависимости от обстоятельств конкретного дела, в качестве субъектов международного права могут выступать международные и региональные организации, неправительственные организации, публичные и частные компании и физические лица. Ответственность в данном случае является одновременно показателем и следствием международной правосубъектности: только субъект международного права может нести международную ответственность.²⁶

За использование автономных систем вооружения, в результате которого возможно нарушение международного права, может наступать международная ответственность как государств, так и физических лиц.

1.2 Международная ответственность государств

Несмотря на расширение круга участников международной правовой системы, государства продолжают оставаться основным центром социальной организации людей и играют наиболее значимую роль в международном сообществе²⁷, что находит свое отражение в международном праве, а, соответственно, и ответственности.

Вопрос об ответственности государств решался различными судебными органами на протяжении длительного времени, однако в силу крайне широкого спектра практики в этой области, единства в данной отрасли международного права не было. Комиссия по международному праву ООН в результате тщательного анализа судебных решений разработала Проект статей об ответственности государств, который в 1975 году было предложено разделить на три части: часть I, посвященная происхождению международной ответственности; часть II, касающаяся содержания, форм и

²⁵ICJ, *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations*, ICJ Reports, (1949), para. 178.

²⁶Malcolm N. Shaw, 'International Law', 8th edition, Cambridge University Press, (2017), pp. 156-157.

²⁷Ibid, pp. 157-158.

степени международной ответственности; и часть III, посвященная урегулированию споров и имплементации международной ответственности.²⁸ Часть I была в предварительном порядке принята Комиссией в 1980 году, а сам Проект статей были окончательно утвержден 9 августа 2001 года. Резолюция 56/83 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 года включала в себя полный текст статей с рекомендацией к применению правительствами²⁹, что не является обычной процедурой принятия нормативных актов и говорит об особом статусе статей.

Так, Проект статей об ответственности государств подтверждает правило, общее для международной ответственности, согласно которому международно-противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность этого государства.³⁰ Такое деяние имеет место, когда какое-либо поведение, выражающееся в действии или бездействии: (1) присваивается государству в соответствии с международным правом; (2) представляет собой нарушение международно-правового обязательства данного государства.³¹ Таким образом, закрепляются два необходимых условия ответственности государств, подтвержденных обширной судебной практикой³² и юридической доктриной.³³

²⁸UN, Yearbook of the ILC, (1975), Vol. II, pp. 55–59; A. Pellet, The ILC's Articles on State Responsibility for Internationally Wrongful Acts and Related Texts, Law of International Responsibility, p. 75.

²⁹United Nations General Assembly, Resolution 56/83, (12 December 2001), // URL: <https://legal.un.org/>.

³⁰RSA, art.1; PCIJ, *Phosphates in Morocco*, Judgment, 1938, PCIJ., Series A/B, No. 74, p. 10, at para. 28; PCIJ, S.S. "Wimbledon", 1923, PCIJ, Series A, No. 1, p. 15, at p. 30; PCIJ, *Factory at Chorzów*, Jurisdiction, Judgment No. 8, 1927, PCIJ., Series A, No. 9, p. 21; ICJ, *Corfu Channel*, Merits, Judgment, ICJ Reports 1949, p. 4, at p. 23; ICJ, *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Merits, Judgment, ICJ Reports, 1986, p. 14, at p. 142, para.283, and p. 149, para. 292; United Nations Reports of International Arbitral Awards (UNRIAA), *Dickson Car Wheel Company (U.S.A.) v. United Mexican States*, vol. IV (Sales No. 1951.V.1), p. 669, at p. 678 (1931); UNRIAA, *International Fisheries Company (U.S.A.) v. United Mexican States*, p. 691, at p. 701 (1931).

³¹RSA, art. 2.

³²PCIJ, *Factory at Chorzów*, Jurisdiction, Judgment No. 8, 1927, PCIJ., Series A, No. 9, p. 21; International Law Reports (ILR), *Rainbow Warrior case*, 82, p. 499; ICJ, *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran*, Judgment, ICJ Reports 1980, p. 3, at p. 29, para. 56; ICJ, *Gabčikovo-Nagymaros Project*, p. 54, para. 78; UNRIAA, *Dickson Car Wheel Company (U.S.A.) v. United Mexican States*, vol. IV (Sales No. 1951.V.1), p. 669, at p. 678 (1931).

³³J. Crawford, 'State Responsibility: The General Part', Cambridge University Press, (2013); C. Chinkin, F. Baetens, 'Sovereignty, Statehood and State Responsibility', Part III, Cambridge University Press, (2015); A.

(1) Поведение, которое присваивается государству, может выражаться внешне как в форме действия, так и бездействия. Ошибочно считать, что случаи бездействия в международном праве, влекущие за собой привлечение в ответственности, не так многочисленны, как прецеденты, основанные на активном совершении позитивных действий. Между действием и бездействием в данном случае нет принципиальной разницы, более того, может быть достаточно проблематично отделить бездействие от других факторов, имеющих значение для дела.³⁴ Так, Международный Суд ООН в деле *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran* пришел к выводу, что ответственность Исламской Республики Иран была вызвана именно отсутствием действий со стороны государственных властей, которые не предприняли надлежащих, и явно необходимых шагов для урегулирования ситуации в указанных обстоятельствах.³⁵ Также в деле *Corfu Channel* было установлено, что тот факт, что представители государства Албании знали или должны были знать о наличии мин в пределах своих территориальных вод и не предупредили об этом третьи государства, является достаточным основанием для ее ответственности.³⁶ Помимо этого допустимы ситуации, в которых основанием для ответственности служит комбинация из действий и бездействия государства одновременно. Например, согласно Конвенции о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин государство, которое размещает мины у своих берегов, но не предоставляет необходимые уведомления другим государствам-участникам Конвенции, будет нести соответствующую ответственность.³⁷

В первую очередь для того чтобы деяние, выражающееся в действии или бездействии, могло рассматриваться как акт нарушения норм

Nollkaemper, D. Jacobs, 'Distribution of Responsibilities in International Law', Cambridge University Press, (2015); Malcolm N. Shaw, 'International Law', 7th edition, Cambridge University Press, (2014).

³⁴ILC, ARS, with commentaries, (2001), p. 35.

³⁵ICJ, *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran*, Judgment, ICJ Reports 1980, pp. 31–32, paras. 63 and 67.

³⁶ICJ, *Corfu Channel, Merits*, Judgment, ICJ. Reports 1949, pp. 22–23.

³⁷Convention relative to the Laying of Automatic Submarine Contact Mines (Hague Convention VIII of 18 October 1907), art. 4, // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/>.

международного права, влекущий ответственность государства, оно должно присваиваться данному государству. Государство как субъект международного права представляет собой юридическое лицо, организацию, обладающую определенными полномочиями в соответствии с международным правом.³⁸ Тем не менее, государство не способно действовать во внешних отношениях самостоятельно, и факт наличия у государств международной правосубъектности не снимает этой проблемы. Только посредством своих агентов и представителей государства могут совершаться действия, влекущие юридические последствия.³⁹ Поэтому поведение, присваиваемое государству, должно быть следствием какого-либо действия или бездействия определенного лица или группы лиц. Вопрос состоит в том, какие именно лица считаются действующими от имени государства.

Во многих правовых и политических системах государственные органы представлены различными юридическими лицами, имеющими разные наименования (департаменты, отделы, агентства, службы, министерства и т.д.). Подобного рода государственные органы, действительно, имеют определенные отдельные права и обязанности, за нарушение или неисполнение которых они могут быть привлечены к ответственности внутри государства.

Однако применительно к международной ответственности государств существует другая позиция. Так, как уже было установлено, в контексте присвоения международно-противоправного деяния государству, оно подразумевается как независимый, самостоятельный субъект международного публичного права. Так, государство рассматривается как единое образование, что не противоречит его признанию в качестве международного юридического лица. В этом, как и в других отношениях,

³⁸ILC, ARS, with commentaries,(2001), p. 35.

³⁹PCIJ, *German Settlers in Poland*, Advisory Opinion, 1923, Series B, No. 6, p. 22.

присвоение поведения государству обязательно должно соответствовать норме международного права. Иными словами, для данного элемента международной ответственности государств важно, чтобы событие, рассматриваемое как потенциальное нарушение, в достаточной степени было связано с деянием, которое присваивается государству на основе конкретного правила.⁴⁰

Возвращаясь к кругу лиц, чье поведение может считаться деянием самого государства по международному праву, важно отметить, что далеко не каждый субъект, имеющий связь с данным государством, может выступать в таком качестве. Хотя в теории поведение любых физических (граждане, иностранные граждане, лица без гражданства) и юридических лиц каким-либо образом связанных с государством по принципу национальности, месту жительства или месту регистрации, может быть приписано государству, в международном праве данный подход не используется. Общее же правило заключается в том, что единственное поведение, которое может быть приписано государству на международном уровне, – это поведение его государственных органов⁴¹ или лиц, которые действовали под руководством или контролем этих органов, то есть в качестве должностных лиц (агентов) данного государства.⁴²

Основная причина такого узкого подхода: ограничение ответственности за поведение, которое затрагивает государство как международную организацию. Более того, важную роль играет установление и признание автономии и независимости частных лиц, действующих вовне от своего собственного имени, а не от имени государственной власти.⁴³

Тем не менее, стоит подчеркнуть, что вопрос о присвоении поведения государству в рамках международной ответственности следует отличать от

⁴⁰ILC, ARS, with commentaries,(2001), pp. 35-36.

⁴¹ARS, art. 4

⁴²ARS, art. 5; I. Brownlie, 'System of the Law of Nations: State Responsibility', Part I (Oxford, Clarendon Press, 1983), pp. 132– 166

⁴³ILC, ARS, with commentaries,(2001), p. 38

других процессов международного права, в соответствии с которыми конкретные органы уполномочены принимать обязательства от имени государства. Так, общепризнано, что глава государства, глава правительства и министр иностранных дел имеют право представлять государство без необходимости предъявления полномочий.⁴⁴ Такие правила не имеют ничего общего с присвоением применительно к ответственности государства. В целом, ответственность государства связана с поведением, несовместимым с его международными обязательствами, независимо от уровня управления в нем или статуса правительства.⁴⁵ Именно поэтому проект статей об ответственности государств называет, например, в качестве субъектов лиц, которые фактически осуществляют элементы государственной власти по причине отсутствия или несостоятельности официальных властей⁴⁶; а также повстанческое движение⁴⁷ и др.

(2) Нарушение международного обязательства государства является вторым основанием наличия международно-противоправного деяния, а соответственно, и условием привлечения государства к международной ответственности. При этом, как было неоднократно отмечено в судебной практике, такое нарушение международного обязательства охватывает как договорные, так и внедоговорные обязательства (обычаи, общепризнанные принципы международного права и т.д.) без какого-либо различия между ними.⁴⁸

Согласно Проекту статей об ответственности государств в отношении квалификации деяния как нарушающего нормы международного права, действует строгий принцип: деяния государства как международно-

⁴⁴Vienna Convention on Law of the Treaties, (23 May 1969), art 7, // URL: <https://treaties.un.org/>; ICJ, Nuclear Tests (Australia v. France), (1974), para. 84.

⁴⁵ICJ, La Grand (*Germany v. United States of America*), Provisional Measures, Order of 3 March 1999, I.C.J. Reports 1999, p. 9, at p. 16, para. 28.

⁴⁶ARS, art. 9.

⁴⁷ARS, art. 10.

⁴⁸ICJ, *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations*, ICJ Reports,(1949), p. 184; ILR, *Rainbow Warrior case*, p. 251, para. 75.

противоправные определяются исключительно международным правом, при этом положения национального права государства на данную квалификацию влиять не могут.⁴⁹

Данный принцип включает в себя два основополагающих элемента:

(1) действие или бездействие государства может быть охарактеризовано как международно-противоправное деяние по смыслу Проекта статей, только если оно является нарушением нормы международного права, принятой на себя этим государством; если же деяние нарушает лишь положение внутригосударственного права, оно таковым не является;

(2) ссылка государства на национальное законодательство не является основанием для признания данного деяния правомерным (даже в том случае, если согласно положениям своей внутренней правовой системы государство фактически обязано было действовать подобным образом), если оно в действительности нарушает его международные обязательства.⁵⁰

Самым показательным подтверждением данного принципа является дело Постоянной палаты международного правосудия *Treatment of Polish Nationals case*. Согласно фактической стороне дела Палата отказала польскому правительству в праве представить на рассмотрение Лиги Наций вопроов о применении к польским гражданам некоторых положений Конституции Вольного города Данциг. Палата обосновала свое решение следующим образом: в соответствии с общепринятыми принципами, государство не может полагаться, в отличие от другого государства, на положения Конституции последнего, но только на международное право и должным образом принятые на себя международные обязательства. Так же как и любое государство не вправе ссылаться в отношении другого государства на свою собственную Конституцию или иные положения внутреннего законодательства с целью уклонения от обязательств,

⁴⁹ARS, art. 3.

⁵⁰ILC, ARS, with commentaries, (2001), p. 36.

возложенных на него как международными договорами, участником которого оно является, так и общими положениям международного права.⁵¹ Впоследствии это положение в различных формулировках было широко воспринято международной практикой.⁵²

При этом из этого принципа нельзя вывести однозначное правило о том, что характеристика поведения как правомерного с точки зрения внутригосударственного права не может повлиять на квалификацию этого же деяния как незаконного по международному праву. Так, возможны ситуации, при которых соблюдение положений национального законодательства государства является требованием стандартов в области международного права. Например, применение правового режима, аналогичного тому, который действует в отношении собственных граждан государства, и к иностранным лицам. В таком случае соблюдение внутреннего права также имеет отношение к вопросу о международной ответственности, поскольку нормы международного права закрепляют необходимость их соответствия положениям внутреннего законодательства.⁵³

Таким образом, для международно-противоправного деяния существуют два необходимых условия – поведение, присваиваемое государству в соответствии с международным правом, и нарушение этим поведением международного обязательства. Из этого правила недопустимы исключения.

Однако в судебной практике и научной доктрине спорным является вопрос о том, являются ли эти два условия не только необходимыми, но

⁵¹PCIJ, *Treatment of Polish Nationals and Other Persons of Polish Origin or Speech in the Danzig Territory*, Advisory Opinion, 1932, Series A/B, No. 44, p. 4.

⁵² PCIJ, *Greco-Bulgarian "Communities"*, Advisory Opinion, 1930, Series B, No. 17, p. 32. 79; PCIJ, *Free Zones of Upper Savoy and the District of Gex*, Order of 6 December 1930, P.C.I.J., Series A, No. 24, p. 12; and *ibid.*, Judgment, 1932, P.C.I.J., Series A/B, No. 46, p. 96, at p. 167; ICJ, *Fisheries, Judgment*, ICJ Reports 1951, p. 116, at p. 132; ICJ, *Nottebohm*, Preliminary Objection, Judgment, I.C.J. Reports 1953, p. 111, at p. 123; ICJ, *Application of the Convention of 1902 Governing the Guardianship of Infants*, Judgment, I.C.J. Reports 1958, p. 55, at p. 67; ICJ, *Applicability of the Obligation to Arbitrate under Section 21 of the United Nations Headquarters Agreement of 26 June 1947*, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1988, p. 12, at pp. 34–35, para.57. 87 See, e.g., the *Geneva Arbitration (the "Alabama" case)*, in *Moore*, *History and Digest*, vol. IV, p. 4144, at pp. 4156 and 4157 (1872); *Norwegian Shipowners' Claims (Norway v. United States of America)*, UNRIAA, vol.I (Sales No. 1948.V.2), p. 307, at p. 331 (1922).

⁵³ILC, *ARS*, with commentaries, (2001), p. 38.

также достаточными. Если в отношении причиненного ущерба уже было установлено, что данный элемент не является обязательным, существуют различные точки зрения относительно того, является ли ответственность государства за противоправные деяния строгой (т.е. ответственность наступает без вины), или же необходимо доказать наличие вины или иного неправомерного намерения со стороны соответствующих должностных лиц государства.

Принцип объективной ответственности (так называемая теория риска)⁵⁴ утверждает, что ответственность государства является строгой. После совершения противоправного деяния агентом (лицом, которому присваивается поведение государства), причинившим вред, это государство по международному праву будет нести ответственность перед государством, которому был нанесен ущерб, независимо от того, действовало лицо добросовестно или недобросовестно.

Для противопоставления этому подходу используется концепция субъективной ответственности (теория вины)⁵⁵, в которой подчеркивается, что элемент преднамеренного (*dolus*) или небрежного (*culpa*) виновного поведения соответствующего лица необходим, прежде чем его государство может быть привлечено к ответственности за причиненный вред.

Международная судебная практика и юридическая доктрина разделились по этому вопросу, хотя большинство и склоняется к теории строгой (объективной) ответственности.

В арбитражном решении по делу *Gustave Caire (France v. United Mexican States)*, которое было инициировано Францией от имени вдовы и детей француза Жана-Батиста Каира, застреленного мексиканскими солдатами за дезертирство в 1914 году, Верзейл, председательствующий комиссар, постановил, что Мексика несет ответственность за ущерб, причиненный в

⁵⁴ Malcolm N. Shaw, 'International Law', 8th edition, Cambridge University Press, (2017), pp. 593-594.

⁵⁵ A. Abass, 'Complete International Law', Oxford University Press, (2012), pp. 268-269.

соответствии с доктриной объективной ответственности, то есть «ответственности за действия должностных лиц или органов государства, которая может быть возложена на государство даже в отсутствии его собственной вины».⁵⁶ При этом, присуждая компенсацию в пользу вдовы Каира, Комиссия установила, что Мексика несет ответственность за поведение солдат, хотя солдаты нарушили приказ и превысили свои полномочия. Трибунал подошел к вопросу об ответственности Мексики в свете общих принципов, которые регулируют условия международной ответственности государств за действия их публичных должностных лиц в целом⁵⁷ и одобрил подход, согласно которому государство несет ответственность по международному праву за все действия, совершенные его должностными лицами или органами, которые представляют собой противоправные действия по международному праву, независимо от того, действовало ли данное лицо или орган, решения которых оспаривается, в пределах своей компетенции или превышал эти пределы.⁵⁸ Таким образом, Верзейл сформулировал принцип объективного присвоения государству любых действий лица, их совершившего, даже выходящих за пределы его компетенции.

Основным примером применения субъективного подхода является дело *Home Missionary Society Case (United States v. Great Britain)* – дело Миссионерского общества Братства Христова в 1920 году между Великобританией и США. В 1898 году сбор налога, недавно наложенного на уроженцев Протектората и известного как «налог на хижину», послужил толчком к серьезному и широко распространенному восстанию в округе Рониетта. Восстание было отмечено особой жестокостью и недискриминационными нападениями на людей и имущество европейцев, в том числе на имущество учреждений братства, а также убийством

⁵⁶UNRIIAA, *Gustave Caire (France) v. United Mexican States*, 13 (1929) Vol. V, p. 540.

⁵⁷*Ibid.*

⁵⁸*Ibid.*

миссионеров.⁵⁹ Трибунал отклонил иск Общества (представленный США) и отметил, что общепризнанным принципом международного права является то, что ни одно государство не может быть привлечено к ответственности за действия мятежников, когда оно само не виновно в случившемся, не нарушает принципа добросовестности или не проявляет небрежности в подавлении восстания.⁶⁰

Отметим, что мнение, выраженное в данном случае, касается конкретной области права, а именно, вопроса об ответственности государства за действия мятежников. Поэтому возможность проведения аналогии с этим случаем в других делах, как правило, вызывает обоснованное сомнение.⁶¹

Наконец, позиция относительно виновности государства была высказана Международным судом ООН в деле *Corfu Channel*. Это дело было передано в суд правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии против правительства Народной Республики Албании. Согласно фактической стороне дела, 22 октября 1945 года два британских корабля-миноносца (эсминца) обстреляли мины в албанских территориальных водах в канале Корфу, и взрывы привели к повреждению судов и гибели людей. Международный Суд постановил, что нельзя сделать вывод из самого факта контроля государства над его территорией и его водами ни о том, что это государство обязательно знало или должно было знать о любом незаконном акте, совершенном в пределах его территории, ни о том, что оно обязательно знало или должно было знать причинителей вреда. Этот факт сам по себе в отрыве от других обстоятельств не предполагает презумпции ответственности государства и не переносит на него бремя доказывания.⁶²

⁵⁹UNRIAA, *Home Frontier and Foreign Missionary Society of the United Brethren in Christ (United States) v. Great Britain*, (1920) Vol. VI, p. 42.

⁶⁰Ibid, pp. 43-44.

⁶¹Malcolm N. Shaw, 'International Law', 8th edition, Cambridge University Press, (2017), pp. 593-594.

⁶²ICJ, *Corfu Channel, Merits*, Judgment, ICJ Reports, 1949, pp. 4, 18; 16

Наиболее обоснованной же можно считать точку зрения Комиссии международного права ООН, высказанную в Комментарий к Проекту статей об ответственности государств. Так, КМП отметила, что такое основание международной ответственности, как нарушение обязательства, иногда называют объективным, а присвоение поведения данному государству – субъективным. При этом сам Проект статей об ответственности избегает использования такой терминологии. Действительно, допустимы ситуации, при которых нарушение международно-правового обязательства находится в прямой зависимости от непосредственных деяний государственных органов или их должностных лиц. Так, например, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него предусматривает, что для квалификации деяния в качестве геноцида необходимо указание на намерение совершить определенные противоправные деяния.⁶³ В этом случае можно говорить о субъективном элементе присвоения данного поведения государству.

Однако во многих других случаях нарушение обязательства может носить и исключительно «объективный» характер, но лишь в том смысле, что действия соответствующих государственных органов или должностных лиц могут не иметь отношения к применению норм об ответственности. То есть вопрос о том, является ли привлечение государства к международной ответственности субъективным или объективным по своей природе, целиком зависит от контекста рассматриваемых событий, главным из которых является юридическое содержание обязательства государства, лежащего в основе ответственности.

Проект статей об ответственности государств не содержит единого общего правила относительно степени субъективности деяния, применимого в любой ситуации. То же самое относится и к другим стандартам: определение степени вины, небрежности или отсутствия должной

⁶³ILC, ARS, with commentaries, (2001), p. 33.

осмотрительности со стороны государственных агентов. Данные стандарты варьируются от одного частного случая к другому по причинам, которые по существу относятся к объекту и цели договора, обычая или иной правовой нормы, создающей первичное обязательство. Также статьи не устанавливают в этом отношении презумпции между различными возможными стандартами, их установление является лишь вопросом толкования.⁶⁴

Таким образом, можно сделать вывод, что при отсутствии прямого указания в нормах международного права на иное, только деяние государства, нарушающее его международное обязательство и присваиваемое данному государству, имеет значение для установления ответственности.

1.3 Индивидуальная ответственность в международном праве

Международная ответственность государств, безусловно, охватывает большую часть случаев привлечения к международной ответственности, что обусловлено их статусом в международном сообществе. Однако наряду с государствами к ответственности могут быть привлечены частные лица. Эти два правовых явления не являются в международном праве взаимоисключающими.⁶⁵

В течение длительного времени физические лица рассматривались только в качестве «объектов» международного права.⁶⁶ Сегодня они приобрели как активную, так и пассивную правосубъектность. Это означает, с одной стороны, возможность обращаться с заявлением о привлечении к ответственности других субъектов международного права (в основном в области защиты прав человека и инвестиционного права); а с другой – необходимость нести ответственность за свои собственные международно-противоправные деяния.⁶⁷

⁶⁴Ibid, p. 34.

⁶⁵A. Nollkaemper, 'Concurrence between Individual Responsibility and State Responsibility in International Law', *The International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 52, No. 3 (Jul., 2003), p. 615.

⁶⁶PCIJ, *Jurisdiction of the Courts of Danzig*, Advisory Opinion, (1928), PCIJ, Series B. No 15, p. 4,17-18.

⁶⁷A. Pellet, 'Le Droit International entre Souveraineté et Communauté', (1997), p. 83.

Международная ответственность физических лиц имеет общие черты с ответственностью государств: ее основанием также является нарушение обязательства, вытекающего из международного права. Однако индивидуальная ответственность в международном праве имеет существенную специфику⁶⁸:

- во-первых, она в значительной степени (едва ли не полностью) охватывается сферой международного уголовного права;

- во-вторых, привлечение индивидов к ответственности осуществляется, как правило, посредством специализированных органов (международными трибуналами, Международным уголовным судом и т.д.), в то время как в отношении ответственности государств вмешательство международного суда или трибунала является исключением из правила и зависит от согласия соответствующих государств;

- наконец, привлечение физических лиц к ответственности по международному праву – исключительная ситуация, возникающая только в том случае, если был создан международный уголовный трибунал для вынесения решений по конкретной ситуации или международному договору, либо в результате резолюции Совета Безопасности ООН. В отсутствие данных юридических фактов правонарушение может быть определено также международным правовым документом или обычным правом (или и тем, и другим, как, например, в случае с пиратством).

Триггационно международное право приписывает действия лиц, которые действуют как государственные органы, исключительно государству.⁶⁹ Хотя, как уже было сказано, на самом деле государства действуют через своих представителей (агентов), с правовой точки зрения ответственность государства возникает не из действий этих лиц, а из действий государства.

⁶⁸J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson, 'The Law of International Responsibility', Oxford University Press, 2010, pp. 7-8

⁶⁹PCIJ, *Case of Certain questions relating to settlers of German origin the territory ceded by Germany to Poland*, Advisory opinion, PCIJ B. No 6, 22.

Поэтому ответственность государства долгое время не зависела и не подразумевала юридической ответственности индивидов.

Однако такая «невидимость» физических лиц в классическом понимании права об ответственности государств имела недостаток в виде подрыва эффективности действия международного права.⁷⁰ Так, Г. Лаутерпахт писал: «Существует убежденность в том, что, если ответственность не вменяется людям из плоти и крови и не привязана к ним, она не имеет силы».⁷¹ В свою очередь, Ф. Аллотт подтвердил эту мысль: «Моральный эффект закона значительно уменьшается, если вовлеченные в правонарушение агенты государства способны избежать как обязанностей, которые налагает закон, так и ответственности, которую он влечет за собой».⁷² Эти соображения добились определенного эффекта.

Несмотря на то, ответственность физических лиц по международному праву, а не исключительно в соответствии с национальным законодательством, получила наибольшее развитие и нормативное закрепление лишь в эпоху после Второй мировой войны, ошибочно считать, что вплоть до этого периода возложение соответствующих обязательств непосредственно на индивидов, а не на государства их национальной принадлежности, не имело место. Так, пиратство и работорговля уже длительное время признаются преступлениями международного характера, влекущие прямую ответственность лиц, их совершивших.⁷³ Юрисдикция в отношении данных преступлений не имеет территориального ограничения ни пределами государства, на территории которого произошло международно-противоправное деяние, ни национальным государством правонарушителя или жертвы. Так, например, универсальная юрисдикция в отношении пиратства представляет собой давно

⁷⁰A. Nollkaemper, 'Concurrence between Individual Responsibility and State Responsibility in International Law', *The International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 52, No. 3 (Jul., 2003), pp. 617-618.

⁷¹H. Lauterpacht, 'International Law and Human Rights' (reprint 1968), Hamden: Archon Books, (1950), p. 40.

⁷²P. Allott, 'State Responsibility and the Unmaking of International Law', 29 *Harvard International Law Review* (1988), p. 14

⁷³Convention on the Law of the Sea, (1982), art.99; Brown, *International Law of the Sea*, vol. I, p. 309.

установленный принцип мирового сообщества: любое государство вправе арестовывать и подвергать наказанию лиц, обвиняемых в пиратстве, если указанные лица были задержаны (1) в открытом море или (2) на территории соответствующего государства.⁷⁴

Так, принятие большого количества договоров в области международного уголовного права, судебное преследование индивидов как в национальных, так и международных судах и учреждение Международного уголовного суда, – все это вывело физических лиц из-под «щита» государства. Международное право больше не позволяет исключительно национальному правопорядку определять, на каких лиц распространяются обязательства и ответственность, а непосредственно ставит правонарушителей перед юридическими последствиями своих действий.⁷⁵

В результате на данный момент существует определенный перечень деяний, которые могут привести как к ответственности государства, так и к индивидуальной ответственности. Эти акты включают планирование, подготовку или ведение агрессивной войны⁷⁶; геноцид⁷⁷; преступления против человечности⁷⁸; убийство покровительствуемых лиц в вооруженном конфликте⁷⁹; терроризм⁸⁰ и пытки⁸¹.

В тоже время следует особо подчеркнуть, что в случае привлечения к ответственности физического лица, это не означает автоматическое снятие

⁷⁴D. H. Johnson, 'Piracy in Modern International Law', 43 Transactions of the Grotius Society, 1957, p. 63; G. E. White, 'The Marshall Court and International Law: The Piracy Cases', 83 AJIL, 1989, p. 727.

⁷⁵A. Nollkaemper, 'Concurrence between Individual Responsibility and State Responsibility in International Law', The International and Comparative Law Quarterly, Vol. 52, No. 3 (Jul., 2003), p. 618.

⁷⁶The Charter of the International Military Tribunal of Nuremberg, (15 March, 1951), art. 4, // URL: <https://www.un.org>; Declaration on the Inadmissibility of Intervention and Interference in the Internal Affairs of States, UN GA Resolution 3314 (XXIX), (1974), // URL: <https://www.un.org>.

⁷⁷Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, (12 January, 1951), // URL: <https://www.un.org>; The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia Statute, (1993), art 7 (2), // URL: <https://www.un.org>.

⁷⁸Rome Statute of the International Criminal Court, art 7, // URL: <https://www.icc-cpi.int/>.

⁷⁹Geneva Convention (IV), (1949), arts.32, 146.

⁸⁰International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism, UN Doc. A/RES/54/109, 39 ILM (2000); International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings, UN Doc.A/RES/52/164, 37 ILM (1998).

⁸¹ICTY, *The Prosecutor v. Furundzija*, Judgment, (1998), IT-95/17/1, para. 142.

бремени ответственности с государства. Мировая практика в данном случае поддерживает положение о том, что ответственность отдельного человека не исключает возможности для присвоения этого же правонарушения государству. Например, после окончания Второй мировой войны и Германия, и Япония были привлечены к ответственности, хотя политические и военные лидеры уже привлекались к ответственности как частные лица.⁸² Ответственность нескольких представителей Югославии за действия, совершенные ими во время вооруженного конфликта и судимых в Международном трибунале по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) и национальных судах, не исключила жалоб, поданных Боснией и Герцеговиной и Хорватией в Международный Суд ООН.⁸³ В деле *The Prosecutor v. Furundžija* МТБЮ прямо сформулировал правовую позицию, согласно которой в соответствии с действующим международным гуманитарным правом, помимо индивидуальной уголовной ответственности, в результате применения государственными должностными лицами пыток, или неспособности предотвратить пытки, или наказать тех, кто применяет пытки, может наступать ответственность государства⁸⁴.

Другими словами, индивидуальная ответственность не обязательно означает, что государство может отрицать свою собственную ответственность, перенося ее на своих должностных лиц или отдельные государственные органы. Действительно, государственная ответственность может органично существовать параллельно с индивидуальной ответственностью.

⁸²A. Nollkaemper, 'Concurrence between Individual Responsibility and State Responsibility in International Law', *The International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 52, No. 3 (Jul., 2003), pp. 619-620.

⁸³*Ibid*, p. 620.

⁸⁴ICJ, *Application of the Genocide Convention case*, Preliminary Objections, (1995), para.32.

Глава 2. Привлечение к ответственности за применение автономных систем вооружения в международном вооруженном конфликте

2.1 Типология вооруженных конфликтов и правовое регулирование применения автономных систем вооружения

Нормы международного гуманитарного право создаются специально для регулирования вооруженных конфликтов.⁸⁵ Как только начинается военный конфликт, любое действие, предпринимаемое по причинам, связанным с этим конфликтом, должно соответствовать МГП.

Несмотря на то, что существование вооруженного конфликта является абсолютно необходимым условием для применения норм МГП, договорное право не дает полного и точного определения, что является вооруженным конфликтом. Поэтому толкование и разъяснение этого понятия остается в значительной степени делом доктрины и международных судов.

Впервые определение вооруженного конфликта было сформулировано Международным трибуналом по бывшей Югославии в деле *The Prosecutor v. Dusko Tadić*. Трибунал определил, что вооруженный конфликт имеет место всякий раз, когда происходит использование вооруженных сил в отношениях между государствами или продолжительное вооруженное насилие между государственными властями и организованными вооруженными группами или между такими группами в пределах государства.⁸⁶ Впоследствии данное определение вооруженного конфликта стало классическим и активно использовалось как в судебной практике самого трибунала⁸⁷, так и другими международными органами.⁸⁸

⁸⁵ The Geneva Conventions of 1949, common art. 3, // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc>.

⁸⁶ ICTY, *The Prosecutor v. Dusko Tadic*, IT <94<1<AR72, Appeals Chamber, Decision of 2 October 1995, para 70, // URL: <http://www.icty.org>.

⁸⁷ ICTY, *The Prosecutor v. Mucić et al. (Čelebići Camp)*, Case No. IT96-21, Judgment (Trial Chamber), 16 November 1998, para 184; ICTY, *The Prosecutor v. Fatmir Limaj Haradin Bala Isak Musliu*, Trial

На основании данного определения можно сделать вывод, что термин «вооруженный конфликт» охватывает три ситуации:

- 1) применение силы в отношениях между государствами;
- 2) длительное вооруженное сопротивление между правительственными силами и организованными вооруженными группировками на территории государства;
- 3) длительное вооруженное сопротивление между организованными группировками на территории одного государства без участия государственных вооруженных сил в качестве стороны конфликта. Все три ситуации возможны в рамках видов вооруженных конфликтов, регулируемых нормами МГП.

В международных договорах и нормах обычного права, касающихся международного гуманитарного права, выделяют два типа вооруженных конфликтов: вооруженные конфликты международного характера⁸⁹ (далее – МВК) и вооруженные конфликты немеждународного (внутреннего) характера (далее – НМВК).⁹⁰ Данная типология является общепринятой и устоявшейся, других видов вооруженных конфликтов по смыслу международного права не существует. Тем не менее важно подчеркнуть, что ситуация на поле боя может измениться, и один тип вооруженного

Judgment, 2005, para. 84; ICTY, *The Prosecutor v. Ljube Boškoski and Johan Tarčulovski*, Trial Judgment, 2008, para. 175.

⁸⁸ См. Например: ICTR, *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, Trial Judgment, 1998, paras 619–620; ICTR, *The Prosecutor v. Georges Rutaganda*, Trial Judgment, 1999, paras 91–92; Доклад Комиссии по расследованию положения в Ливане во исполнение резолюции S-2/1 Совета по правам человека, A/HRC/3/2, 23 ноября 2006 г., ч. 51

⁸⁹ The Geneva Conventions of 1949, common art. 1; Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), (8 June 1977), (AP I), art. 1, // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/>. <https://www.icrc.org/ru/doc>.

⁹⁰ Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of Non-International Armed Conflicts (Protocol II), (8 June 1977), (AP II), art. 1(2). // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/>.

⁹⁰ The Geneva Conventions of 1949, common art. 3.

конфликта вполне может перерасти в другой в зависимости от конкретных обстоятельств дела.⁹¹

Статья 2 Женевских конвенций 1949 г., (далее – ЖК) регулирует международные вооруженные конфликты. В соответствии с ней ЖК подлежат применению в случае объявленной войны или другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими государствами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны⁹²; [...] а также во всех случаях оккупации всей или части территории государства-участника, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления.⁹³

Исходя из этого положения можно сделать вывод о субъектном составе сторон в МВК: ими могут быть лишь государства. Международный вооруженный конфликт имеет место, когда одно или более государств применяют силу против другого государства или их объединения, независимо от причин нападения или уровня интенсивности противостояния между сторонами.⁹⁴ Более того, даже если военные действия между государствами вообще не ведутся, то есть имеет место так называемая «объявленная война», ситуация будет квалифицироваться как МВК. Иными словами, любое разногласие, которое приводит к вмешательству государственных вооруженных сил, по смыслу гуманитарного права является вооруженным конфликтом международного характера, независимо от субъективной оценки такого противостояния самими участниками конфликта.

Для того, чтобы определить сущность и значение вооруженных конфликтов немеждународного характера, необходимо проанализировать

⁹¹ Нильс Мельцер, Этьен Кустьер Международное гуманитарное право: общий курс. – С. 62-63. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc>.

⁹² The Geneva Conventions of 1949, common art. 2(1).

⁹³ The Geneva Conventions of 1949, common art. 2 (2).

⁹⁴ International Committee of the Red Cross (ICRC), «How is the term “armed conflict” defined in international humanitarian law?» – Opinion Paper, (March 2008), //URL: <https://www.icrc.org/ru/doc>.

статью 3, общую для Женевских конвенций 1949 г., и статью 1 Дополнительного Протокола II.

Общая статья 3 применяется к вооруженным конфликтам, не имеющим международного характера, которые происходят на территории одного из государств-участников Женевских Конвенций.⁹⁵ К ним относятся вооруженные конфликты, в которых участвует одна или несколько неправительственных вооруженных групп. В зависимости от ситуации, военные действия могут происходить между правительственными вооруженными силами и неправительственными вооруженными группами или только между такими группами. Поскольку четыре Женевские конвенции были ратифицированы в настоящее время повсеместно, требование о том, что вооруженный конфликт должен возникать на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон, на практике утратило свое значение.⁹⁶ Действительно, любой вооруженный конфликт между правительственными вооруженными силами и вооруженными группами или между такими группами не может не происходить на территории одной из сторон Конвенции.

Чтобы отличить вооруженный конфликт в смысле общей статьи 3 от менее серьезных форм насилия, таких как внутренние беспорядки и напряженность, бунты или акты бандитизма, ситуация должна достичь определенного порога конфронтации. В этом отношении используются два критерия: интенсивность конфликта и организация сторон.

Во-первых, боевые действия должны достигать минимального уровня интенсивности. МТБЮ разработал ряд критериев, которые позволяют оценить интенсивность насилия, в том числе: серьезность нападений и рост числа вооруженных столкновений; любое увеличение численности

⁹⁵ The Geneva Conventions of 1949, common art. 3.

⁹⁶ ICRC, «How is the term “armed conflict” defined in international humanitarian law?» – Opinion Paper, (March 2008) // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc>.

правительственных сил и распределение оружия между обеими сторонами в конфликте; а также то, привлек ли конфликт внимание Совета Безопасности ООН и были ли приняты какие-либо резолюции по этому вопросу; число гражданских лиц, вынужденных бежать из зон боевых действий; тип используемого оружия, в частности применение тяжелого оружия и другой военной техники, такой как танки и другие тяжелые транспортные средства; блокирование или осаждение городов и сильный обстрел этих городов; степень разрушений и количество жертв, вызванных обстрелами или боевыми действиями и др.⁹⁷

Во-вторых, неправительственные группы, вовлеченные в конфликт, должны рассматриваться как «стороны в конфликте», что означает, что они должны обладать организованностью. К факторам, указывающим на соблюдение данного критерия, относятся: наличие командной структуры и дисциплинарных правил и механизмов внутри группы; существование штаб-квартиры; тот факт, что группа контролирует определенную территорию; способность группы получать доступ к оружию, другой военной технике, новобранцам; способность планировать, координировать и проводить военные операции, включая передвижение войск и материально-техническое обеспечение; способность определять единую военную стратегию и использовать военную тактику и др.⁹⁸

Более узкое определение немеждународного вооруженного конфликта было сформулировано в Дополнительном Протоколе II к Женевским Конвенциям. Этот документ применяется к вооруженным конфликтам, имеющим место на территории государства-участника между вооруженными силами данного государства и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными

⁹⁷ ICTY, *The Prosecutor v. Ramush Haradinaj, Idriz Balaj, Lahi Brahimaj*, Judgment, (IT-04-84-A), (2010), para. 60.

⁹⁸ Ibid, paras. 94-134.

группами. Такие вооруженные группы контролируют часть территории и находятся под ответственным командованием, которое позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия.⁹⁹

Это определение более узкое, поскольку Дополнительный протокол II прямо применяется только к вооруженным конфликтам между государственными вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами. В отличие от общей статьи 3, Протокол не применяется к вооруженным конфликтам, возникающим только между негосударственными вооруженными группами.

Таким образом, можно прийти к выводу, что международные вооруженные конфликты существуют всякий раз, когда два и более государства применяют вооруженную силу относительно друг друга или намереваются ее применить. Немеждународные вооруженные конфликты представляют собой затяжные вооруженные столкновения, возникающие между правительственными вооруженными силами и силами одной или нескольких вооруженных групп или между такими группами, возникающими на территории государства. Вооруженные конфликты немеждународного характера должны достигнуть минимального уровня интенсивности и организованности, в то время как для международных конфликтов такие критерии не применяются.

Основная цель международного гуманитарного права состоит в защите гражданского населения в условиях вооруженного конфликта. Данная цель реализуется, в том числе, посредством правового регулирования средств и методов ведения военных действий.

⁹⁹ AP I, art. 1(1).

Несмотря на то, что МГП не запрещает разработку, приобретение или использование новых видов средств ведения войны, оно накладывает на государства обязанность определить, подпадает ли их применение под запрещения, содержащиеся в нормах международного права.¹⁰⁰ Одно из основополагающих правил МГП – стороны, находящиеся в конфликте, не свободны в выборе методов или средств ведения войны,¹⁰¹ соответственно, при разработке и использовании новых видов вооружения должны соблюдаться нормы международного права.

Речь, в первую очередь, идет о принципах гуманитарного права и так называемой оговорке Мартенса, в соответствии с которыми должно осуществляться потенциальное использование оружия, основанного на новейших технологиях.¹⁰² Основные принципы МГП — принцип проведения различия, принцип соразмерности и военной необходимости¹⁰³, которые закреплены в Женевских конвенциях 1949 года,¹⁰⁴ и в Дополнительных протоколах к ним, а также в нормах обычного МГП,¹⁰⁵ подлежат применению в любом конфликте международного или немеждународного характера.

Оговорка Мартенса, являясь нормой обычного международного права¹⁰⁶, названа в честь российского дипломата и юриста Ф.Ф. Мартенса, сформулировавшего данное положение¹⁰⁷, впервые появилась в преамбуле Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г.¹⁰⁸ За годы, прошедшие с момента принятия конвенции, оговорка Мартенса в

¹⁰⁰ AP I, art. 36.

¹⁰¹ AP I, art. 35(1).

¹⁰² Draft Report of the 2019 session of the Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems, Geneva, 25–29 March 2019 and 20–21 August 2019, pp. 4–5.

¹⁰³ Pictet, J., 'Le droit humanitaire et la protection des victimes de la guerre', Leiden, Sijthoff et Genève, Inst. H. Dunant, 1973, p. 34.

¹⁰⁴ The Geneva Conventions of 1949.

¹⁰⁵ Обычное МГП, // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/publication/pcustom.htm>.

¹⁰⁶ Международный Суд ООН, *Консультативное заключение Международного Суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения*, (1996), п. 84.; ICTY, *The Prosecutor v. Kupreskic* (2000), para. 525.

¹⁰⁷ Kross, J., 'Le départ du professeur Martens' (1990), p. 333.

¹⁰⁸ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 29 июля 1899 года, преамбула. // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents>.

различных формулировках стала элементом многочисленных документов, принятых в рамках регулирования МГП.¹⁰⁹

Начиная с 2013 года, одним из широко обсуждаемых в рамках Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие¹¹⁰, является вопрос о необходимости ограничить, либо же полностью запретить использование такого типа вооружения.

В первую очередь необходимо понять, что представляют собой автономные системы вооружения. Сам по себе термин «автономия» может быть определен как способность машины выполнять задачу или задачи без участия человека, используя взаимодействия компьютерного программирования с внешней средой.¹¹¹ Автономная система же, как правило, понимается как система на основе аппаратного или программного обеспечения, которая после активации может выполнять отдельные задачи или функции самостоятельно.¹¹²

Говоря о понятии автономных систем вооружения, называемых также «роботизированное оружие», или даже «роботы-убийцы», отметим, что здесь

¹⁰⁹ См.: Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972), преамбула. // URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/arms0818_web.pdf; Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (далее – КНО) (1980), преамбула. // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-ccw-101080.htm>; Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении [Оттавская конвенция], (1997), преамбула. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mines_convention.shtml; Конвенция по кассетным боеприпасам (2008), преамбула. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cluster_munitions.shtml.

¹¹⁰ Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 октября 1980 г. [Электронный ресурс] // - Режим доступа: <http://legal.un.org>.

¹¹¹ A. Williams, 'Defining autonomy in systems: challenges and solutions, Autonomous Systems: Issues for Defence Policymakers', (NATO: Norfolk, VA, 2015).

¹¹² V. Boulanin, M. Verbruggen, 'Mapping the Development of Autonomy in Weapons Systems', Stockholm International Peace Research Institute, November, (2017), p. 5.

среди экспертов отсутствует единство мнений, а все определения можно разделить на три группы:¹¹³

1. Первая категория состоит из определений, которые сформулированы исходя их характера взаимоотношений между человеком и машиной. Оно включает в себя определение, поддерживаемое США, которое описывает автономную систему вооружения как оружие, которое после активации может выбирать и поражать цели без дальнейшего вмешательства со стороны человека-оператора.¹¹⁴

2. Вторая категория включает определения, основанные на параметрах возможностей машины. Например, Соединенное Королевство предложило определять автономную систему вооружения как систему, которая способна на более высоком уровне понимать необходимость и направленность своих действий. Исходя из этого понимания и восприятия окружающей среды, такая система способна предпринять соответствующие действия для достижения желаемого результата. Она способна выбрать курс действий из ряда предложенных альтернатив, не зависящих от человеческого надзора или контроля, хотя он и может присутствовать. При этом, несмотря на то, что деятельность автономного аппарата в целом является предсказуемой, отдельные действия могут выходить за пределы предполагаемых.¹¹⁵

3. Определения в третьей категории сформулированы в соответствии с правовыми нормами и делают упор на характере тех задач, которые системы могут выполнять автономно. Определение, одобренное Международным комитетом Красного Креста (далее – МККК), представляет автономное оружие как общий термин, который охватывает любой тип вооружения с автономией в его критически важных функциях. Это определение включает оружие, которое может «выбирать (т.е. искать или обнаруживать,

¹¹³ Ibid, pp. 7-8.

¹¹⁴US Department of Defense, Directive 3000.09 on Autonomy in Weapon Systems, 21 November, (2012).

¹¹⁵ British Ministry of Defence, Development, Concepts and Doctrine Centre (DCDC), Joint Doctrine Publication 0.30.2: Unmanned Aircraft Systems (DCDC: Shrivenham, Aug. 2017), p. 13.

идентифицировать, отслеживать) и атаковать (т.е. перехватывать, применять силу, нейтрализовать, повреждать или уничтожать) цели без вмешательства человека.¹¹⁶ Также к этой категории относится определение, предложенное делегацией Швейцарии, которая описывает автономные системы оружия как системы, которые способны выполнять задачи, регулируемые международным гуманитарным правом.¹¹⁷

Объясняя рабочее определение, МККК подчеркнул, что оно не используется в качестве средства правового развития концепции автономных систем или для введения их запрета. Скорее данная терминология позволяет рассмотреть весь спектр соответствующих систем вооружений, включая существующее оружие с определенной степенью автономности в выполнении его критически важных функций, которые не обязательно поднимают спорные правовые вопросы. МККК пояснил, что данное определение основано на роли человека, а не на степени автономии, и охватывает любое оружие, которое может самостоятельно выбирать и атаковать цели, независимо от того, описывается ли оно как «высокоавтоматизированное» или «полностью автономное».¹¹⁸

Международный комитет Красного Креста является независимой организацией, на которую возложены функции по разъяснению положений международного гуманитарного права и осуществлению его развития¹¹⁹. Определение автономных систем вооружения, данное МККК, представляется наиболее верным с правовой точки зрения. Таким образом, основной признак данного вида оружия – определенная степень автономии, что

¹¹⁶ International Committee of the Red Cross (ICRC), ‘Autonomous weapon systems: is it morally acceptable for a machine to make life and death decisions?’, CCW Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapon Systems, Geneva, 13–17 April, (2015).

¹¹⁷ Government of Switzerland, ‘Towards a “compliance-based” approach to LAWS’, Informal Working Paper, 30 Mar. 2016, CCW Informal Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapon Systems, Geneva, 11–15 April, (2016).

¹¹⁸ ICRC, Autonomous Weapon Systems: Implications of Increasing Autonomy in the Critical Functions of Weapons, Expert Meeting, Versoix, Switzerland, 15-16 March, (2016), p. 8.

¹¹⁹ Statutes of the International Red Cross and Red Crescent Movement, (adopted by the 25th International Conference of the Red Cross at Geneva in 1986, amended in 1995 and 2006), art. 5(1)(g).

означает способность машины работать без контроля человека, при этом конкретный уровень автономии может сильно различаться.¹²⁰ Роботизированное оружие часто делится на три категории в зависимости от степени участия человека в его действиях:

- Оружие, находящееся под полным контролем человека («human-in-the-loop») – роботизированные системы, которые могут выбирать цели и применять силу, только находясь под командованием человека;

- Оружие, при которых человек частично задействован в «цикле жизни» машины («human-on-the-loop») – системы вооружения, способные сами выбирать цели и применять силу, но под наблюдением оператора-человека, который может напрямую влиять на действия машины или отменять их;

- Оружие, при котором человек изъят из процесса деятельности системы вооружения («human-out-of-the-loop») – системы вооружения, способные выбирать цели и применять силу без участия человека или взаимодействия с ним.¹²¹

Использование роботизированных систем в вооруженном конфликте не является принципиально новым методом ведения войны, однако их расширяющаяся роль, как никогда ранее, вызывает обоснованные сомнения. На сегодняшний день в ходе ведения военных действий было зафиксировано применение первых двух разновидностей роботизированных систем вооружения. Так, беспилотные летательные аппараты использовались в вооруженных конфликтах в Ираке и Афганистане, а также Центральным разведывательным управлением США для нанесения точечных ударов в странах за пределами зон конфликта: Пакистане, Йемене, Сомали и Филиппинах.¹²² У современных вооруженных беспилотников по-прежнему

¹²⁰ Human Rights Watch (HRW), International Human Rights Clinic (IHRL), 'Losing Humanity: The Case against Killer Robots', p. 2.

¹²¹ Ibid.

¹²² Noel E. Sharkey, 'The inevitability of autonomous robot warfare', International Review of the Red Cross, Volume 94, Number 886, (2012), p. 788.

есть человек-оператор, контролирующий систему вооружения на расстоянии, который отвечает за выбор и идентификацию целей, а также за решение о применении или неприменении силы, зачастую влекущее летальные последствия.¹²³

В настоящее время более пятидесяти государств приобрели или разрабатывают технологию военной робототехники¹²⁴, и тенденция заключается в разработке полностью автономных систем вооружения, некоторые из которых уже существуют, хотя и не применялись на практике (стационарный робот SGR-A1, ракета HARPY, военный корабль SEAHUNTER и др.¹²⁵). Создание такого автономного оружия подразумевает устранение значимого человеческого контроля от критически важных функций машины по выбору и нападению на объекты атаки.¹²⁶ В свою очередь, это влечет множество этических, моральных и правовых проблем, одна из которых касается применения норм о международной ответственности в случае использования подобных систем вооружения в реальной жизни. Любое оружие такого рода ставит одни и те же основные вопросы: может ли система оружия выбирать и атаковать цели таким образом, чтобы соблюдать нормы международного гуманитарного права? Если имеет место явное нарушение МГП, можно ли возложить ответственность на отдельное лицо или государство и привлечь их к международной ответственности? Является ли этически приемлемой система вооружений, которая самостоятельно выбирает и атакует цели?¹²⁷

Некоторые критики утверждают, что вопрос об ответственности за действия полностью автономного оружия вообще не должен быть частью

¹²³ PAX, 'Killer Robots: What are they and what are the concerns?', May, (2019).

¹²⁴ Noel E. Sharkey, 'The automation and proliferation of military drones and the protection of civilians', *Journal of Law, Innovation and Technology*, Vol. 3, No. 2, (2001), pp. 229–240.

¹²⁵ PAX, 'Killer Robots: What are they and what are the concerns?', May, (2019).

¹²⁶ Ibid.

¹²⁷ ICRC, *Convention on Certain Conventional Weapons (CCW) Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS)*, 11-15 April 2016, Geneva, *Views of the International Committee of the Red Cross on autonomous weapon system* 11 April, (2016).

дискуссии об автономном оружии. По их мнению, было бы ошибкой жертвовать достижениями реального мира, состоящими в уменьшении причинения вреда на поле боя с помощью машинных систем просто для того, чтобы соответствовать правилу, действующему в международном праве, согласно которому всегда должен быть субъект, несущий ответственность.¹²⁸ Другие же утверждают, что сам факт, что человек может не контролировать конкретную военную операцию, не означает, что ни один человек не несет ответственности за действия автономной системы оружия.¹²⁹ Однако ответственность представляет собой нечто большее, чем обычное правило поведения, и существующие механизмы юридической ответственности плохо приспособлены для решения проблемы незаконного вреда, который с большой долей вероятности будет причинен полностью автономным оружием.

Ответственность служит многим моральным, социальным и политическим целям и является юридическим обязательством соответствующего субъекта права. С точки зрения политики она сдерживает будущие нарушения, способствует уважению закона и обеспечивает средства правовой защиты для жертв вооруженных конфликтов.¹³⁰ Возмещение ущерба подразделяется на карательное правосудие, которое обеспечивает жертвам конфликта удовлетворение от того, что кто-либо понес наказание за причиненный им вред, и компенсационное правосудие для максимально возможного восстановления ситуации до прежнего состояния.¹³¹

Таким образом, вопрос об ответственности в контексте автономного оружия играет важную роль, которую сложно переоценить. Тем не менее, главной проблемой остается отсутствие четкой правовой регламентации

¹²⁸ Anderson, Waxman, 'Law and Ethics for Autonomous Weapon Systems', Jean Perkins Task Force on National Security and Law, p. 17.

¹²⁹ Michael N. Schmitt, J. Thurnher, 'Out of the Loop', Harvard National Security Journal, p. 277.

¹³⁰ HRW, IHRC, 'Making the Case :The Dangers of Killer Robots and the Need for a Preemptive Ban', (2016), p. 10.

¹³¹ Dinah Shelton, 'Remedies in International Human Rights Law ', (Oxford: Oxford University Press, 2005), p. 12.

автономных систем вооружения на международном уровне, что имеет прямую связь с нормами о международной ответственности.

2.2. Ответственность за применение автономных систем вооружения

Как уже было установлено в 1 главе, для применения норм об ответственности необходимо наличие двух элементов: действие либо бездействие, нарушающие международное право и субъекта противоправного деяния.

Гаагские конвенции, регулирующие ведение военных действий, Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним, принятые задолго до появления автономного оружия, не содержат норм, специально регулирующих данный вид вооружения. После трех лет дискуссий государства-участники КНО согласились официально оформить обсуждение правового регулирования автономного оружия путем создания группы правительственных экспертов.¹³² Однако вопрос о том, должны ли участники Конвенции о некоторых видах обычного оружия принимать какие-либо меры в отношении автономных систем вооружения, хоть и стоит на повестке дня, до сих пор остается открытым. Результатом последнего собрания экспертной группы в августе 2019 года стало принятие руководящих принципов по регулированию автономных систем вооружения¹³³, имеющих, однако, лишь рекомендательный характер.

Однако ошибочно считать, что МГП не предусматривает возникновение подобных ситуаций. Вышеупомянутые договоры намеренно заключались в таких терминах, чтобы могли применяться не только к тому оружию, которое существовало на момент их заключения, но регулировали любые вновь появляющиеся методы войны.

¹³²The Campaign to Stop Killer Robots, 'Nations agree to take on killer robots!', (2013), // URL: <https://www.stopkillerrobots.org/2013/11/ccwmandate/>.

¹³³ Draft Report of the 2019 session of the Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems, Geneva, 25–29 March 2019 and 20–21 August 2019.

Оговорка Мартенса устанавливает, что в случаях, не урегулированных нормами международного гуманитарного права, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и из требований общественного сознания.¹³⁴ Роль оговорки Мартенса состоит в том, что даже если международное гуманитарное право специально не регулирует некоторые ситуации, это не означает, что последние находятся за пределами юридической нормы.¹³⁵ Данный факт приобретает особое значение в современных вооружённых конфликтах, где может применяться новое оружие, не урегулированное международными договорами или обычным правом, как в случае с автономными системами вооружения. Оговорка выступает в данном случае в качестве эффективного способа учета развития военной техники¹³⁶ и превращает обычаи, принципы гуманности и требования общественного сознания в юридически применимые критерии.¹³⁷

Как показывает международная практика, государства, международные организации и гражданское общество неоднократно обращались к оговорке Мартенса в ситуациях, касающихся новых видов вооружения. Так, в консультативном заключении относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения Международный Суд ООН отметил, что новизна ядерного оружия не исключает применение к нему МГП.¹³⁸ Суд установил, что оговорка Мартенса безусловно применима к ядерному оружию и является подтверждением того, что принципы и нормы гуманитарного права в целом применяются к данному виду оружия¹³⁹, не

¹³⁴ AP I, art. 1(2); AP II, preamble.

¹³⁵ Э. Давид, *Принципы права вооруженных конфликтов*, (2011), М.: Международный Комитет Красного Креста, с. 269.

¹³⁶ МС ООН, *Консультативное заключение Международного Суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения*, (1996), п. 78.

¹³⁷ *Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals, The Krupp Case*, vol. IX, (Washington: US Government Printing Office, 1950), p. 1341.

¹³⁸ *Ibid*, para. 86.

¹³⁹ *Ibid*, para. 87.

запрещенного вплоть до сегодняшнего дня нормами международных договоров.

Примером применения оговорки Мартенса в качестве превентивного запрета на использование новых технологий в вооруженном конфликте является запрет ослепляющего оружия.¹⁴⁰ Во время круглого стола эксперты МККК подчеркнули применимость оговорки к данному виду вооружения.¹⁴¹ В частности, один из представителей заявил, что решения о введении ограничений на использование определенного оружия могут основываться на политических соображениях, и в связи с этим должны учитываться критерии оговорки Мартенса.¹⁴² На конференциях участников КНО представители подразделений ООН и общественности назвали ослепляющее оружие бесчеловечным¹⁴³, несовместимым с общественным сознанием¹⁴⁴ и неприемлемым в современном мире¹⁴⁵, призывая к его запрету.¹⁴⁶ Результатом обсуждений стало принятие Дополнительного протокола IV к КНО, кодифицировавшего данный запрет.¹⁴⁷

Оговорка Мартенса выделяет следующие элементы: устоявшиеся обычаи международного права, принципы гуманности и требования общественного сознания. Учитывая, что обычное право применимо даже без оговорки, в настоящей работе предлагается оценить полностью автономные системы вооружения с точки зрения последних двух элементов.

¹⁴⁰ HRW, IHRC, 'Heed the Call: A Moral and Legal Imperative to Ban Killer Robots', (2018) // URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/arms0818_web.pdf.

¹⁴¹ ICRC, 'Blinding Weapons: Reports of the Meetings of Experts Convened by the ICRC on Battlefield Laser Weapons', 1989- 1991 (Geneva: ICRC, 1993), paras. 341-342.

¹⁴² Ibid.

¹⁴³ Summary of Statement by Human Rights Watch, CCW First Review Conference, 'Summary Record of the 6th Meeting', CCW/CONF.I/SR.6, September 28, 1995, para. 60.

¹⁴⁴ Summary of Statement by the UN Development Programme, CCW First Review Conference, 'Summary Record of the 5th Meeting', CCW/CONF.I/SR.5, September 27, 1995, para. 50.

¹⁴⁵ Summary of Statement by Christoffel Blinden mission (CBM), CCW First Review Conference, 'Summary Record of the 6th Meeting', CCW/CONF.I/SR.6, September 28, 1995, para. 51.

¹⁴⁶ Louise Doswald-Beck, 'New Protocol on Blinding Laser Weapons', International Review of the Red Cross, no. 312 (1996), <https://www.icrc.org/eng/resources/documents/article/other/57jn4y.htm>.

¹⁴⁷ Дополнительный протокол IV к КНО (1995), ст. 1. // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901755153>.

В самой оговорке эти термины не определены, но они стали предметом многих научных и юридических дискуссий.¹⁴⁸

Требование гуманного обращения является всеобъемлющей концепцией и ключевым компонентом международного гуманитарного права¹⁴⁹ и международного права прав человека.¹⁵⁰ Устоявшегося определения термина «гуманное обращение» не сложилось. В доктрине под ним обычно понимается проявление уважения к человеческой жизни и достоинству личности.¹⁵¹ Принято считать, что подробные нормы международного гуманитарного права и права прав человека выражают значение гуманного обращения. Так, например, к ним относятся нормы, регулирующие особенности обращения с различными категориями лиц: ранеными, больными и потерпевшими кораблекрушение, лицами, лишёнными свободы, перемещёнными лицами, женщинами, детьми, пожилыми людьми, инвалидами и тяжело больными. Однако это не означает, что указанные правовые нормы полностью отражают смысл гуманного обращения, так как данное понятие развивается со временем под влиянием изменений в обществе.¹⁵²

Использование полностью автономного оружия приведет к серьезным проблемам при соблюдении принципа гуманного обращения. Действительно, автономное оружие, не находящееся под контролем со стороны оператора, лишено сострадания, поскольку правовые и этические суждения являются характеристиками, присущими человеку.¹⁵³ Сочувствие и сострадание к другим людям зачастую заставляет избегать лиц, вовлечённых в конфликт, причинения излишних страданий. Как отмечает

¹⁴⁸ HRW, IHRC, 'Heed the Call: A Moral and Legal Imperative to Ban Killer Robots', (2018) // URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/arms0818_web.pdf.

¹⁴⁹GC 1949, common art.3 (1); Customary IHL, Rule 87; Argentina, Law of War Manual (1969), paras. 9–10; 90–91]; Switzerland, Military Manual (1984).

¹⁵⁰ International Covenant on Civil and Political Rights, art.10(1).

¹⁵¹Ibid.

¹⁵²Customary International Humanitarian Law, Cambridge University Press, 2005, том II, глава 32, раздел А.

¹⁵³ United Nations Human Rights Committee (UNHRC), General comment No. 36 on article 6 of the ICCPR, on the right to life, (2018), para. 65.

МККК, проявления солидарности, сострадания и бескорыстия присутствуют во всех человеческих культурах, а общее понимание людьми боли и страданий побуждает их проявлять сочувствие к другим людям и вдохновляет на взаимность, что является совершенно естественным.¹⁵⁴

В данном случае необходимо осветить и противоположную точку зрения, согласно которой роботизированному оружию в виду отсутствия эмоций легче соблюдать требования МГП. Некоторые исследователи отмечают, что только люди могут сознательно не соблюдать правила, которым они были обязаны следовать. Было бы более разумно ожидать человека, который разрабатывает и создает автономное оружие на рабочем месте в мирное время, соблюдающим МГП, чем комбатанта, находящегося на поле боя или во враждебной среде.¹⁵⁵ Система вооружения не может ненавидеть, не может бояться, не может быть испытывать голод или усталость, и у нее отсутствует инстинкт выживания.¹⁵⁶ Машины могут одновременно воспринимать больше информации и обрабатывать ее быстрее, чем человек.¹⁵⁷

Однако данная позиция представляется неверной. Ситуации, связанные с применением силы, особенно в условиях вооруженного конфликта, часто бывают сложными и непредсказуемыми, поэтому полностью автономное оружие столкнется с серьезными препятствиями для принятия решений, соответствующих гуманному обращению. Изучив многочисленные исследования, в которых разработчики пытались включить этические нормы в качестве одного из элементов программного обеспечения автономных систем вооружения, профессор А. Шарки обнаружила, что

¹⁵⁴ ICRC, 'The Fundamental Principles of the Red Cross and Red Crescent', (1996), p. 2, // URL: <https://www.icrc.org/en/publication/0513-fundamental-principles-red-cross-and-red-crescent>.

¹⁵⁵ Marco Sassóli, 'Autonomous Weapons and International Humanitarian Law: Advantages, Open Technical Questions and Legal Issues to be Clarified', 90 INT'L L. STUD. 308 (2014) Volume 90, p. 310.

¹⁵⁶ Ronald C. Arkin, 'Ethical Robots in Warfare', Georgia Institute of Technology (Jan. 20, 2009), // URL: <http://www.cc.gatech.edu/ai/robot-lab/online-publications/arkin-rev.pdf>; Special Rapporteur on Extrajudicial, Summary or Arbitrary Executions, Interim Report, para. 20 (by Philip Alston), transmitted by Note of the Secretary-General, U.N. Doc. A/65/321 (Aug. 23, 2010).

¹⁵⁷ Peter W. Singer, 'Wired for war: The robotics revolution and conflict in the 21st century', (2009), p. 127.

роботы, демонстрирующие поведение, которое можно охарактеризовать как «этическое» или хотя бы «минимально соответствующее этике», могут работать только в строго ограниченных условиях окружающей среды.¹⁵⁸ Таким образом, был сделан вывод, что автономное оружие обладает ограниченными моральными возможностями и поэтому не должно использоваться в обстоятельствах, которые требуют моральной компетентности и понимания социальной обстановки. Другими словами, соблюдение норм международного права в сложных ситуациях часто требует субъективного принятия решений. Полностью автономная система вооружения будет иметь ограниченную способность интерпретировать нюансы человеческого поведения, понимать политическую, социально-экономическую и экологическую динамику ситуации и оценивать риски применения силы в конкретном контексте.¹⁵⁹ В свою очередь, эти ограничения могут поставить под угрозу способность оружия обеспечить гуманное обращение с гражданскими лицами и комбатантами.

Что касается требований общественного сознания, под ними понимаются общие моральные принципы, которые определяют действия государств и отдельных лиц.¹⁶⁰ Так, с помощью опросов общественного мнения, открытых писем, устных и письменных заявлений, научных публикаций и принимаемых самостоятельно руководящих принципов, представители общественности уже поделились своими опасениями в связи с перспективой применения автономных систем вооружения. Должностные лица из более 100 стран выразили озабоченность и высказались за введение ограничений на полностью автономное оружие.¹⁶¹ Если обращаться к

¹⁵⁸ Amanda Sharkey, 'Can We Program or Train Robots to be Good?' Ethics and Information Technology, p. 1.

¹⁵⁹ Mary Wareham (Human Rights Watch), 'It's Time for a Binding, Absolute Ban on Fully Autonomous Weapons', commentary, Equal Times, November 9, 2017, // URL: <https://www.hrw.org/news/2017/11/09/its-time-binding-absolute-ban-fully-autonomous-weapons>.

¹⁶⁰ Larry May, 'Hobbes, Law, and Public Conscience', Critical Review of International Social and Political Philosophy, vol. 19, (2016);; Heping Dang, 'International Law, Human Rights, and Public Opinion: The Role of the State in Educating on Human Rights Standards' (London: Taylor & Francis Group, 2017).

¹⁶¹ See, for example, Statement by Venezuela on behalf of the Non-Aligned Movement, CCW Group of Governmental Experts (GGE) on Lethal Autonomous Weapons Systems, Geneva, March 28, 2018, //URL: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/E9BBB3F7ACBE8790C125825F004AA329/\\$file/CCW_G](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/E9BBB3F7ACBE8790C125825F004AA329/$file/CCW_G)

конкретным примерам, в 2013 году была основана кампания «To Stop Killer Robots» – коалиция из 86 международных, региональных и национальных неправительственных организаций (НПО), включая Международный комитет Красного Креста, Amnesty International, Human Rights Watch и др.¹⁶² и 30 государств (Аргентина, Австрия, Китай, Ирак, Пакистан и др.),¹⁶³ выступающих за принятие упреждающего запрета на разработку, производство и использование автономного вооружения. В последние годы дебаты по автономным системам значительно расширились на дипломатических, военных, научных, академических и общественных форумах. Так, например, в марте 2014 года МККК созвал международное совещание экспертов для рассмотрения соответствующих технических, военных, правовых и гуманитарных вопросов¹⁶⁴, касающихся возможности использования полностью автономного оружия.

Таким образом, хотя общественная оппозиция полностью автономному оружию не является универсальной на данный момент, в совокупности данные факты показывают, что она широко распространена и стремительно растет.

Согласно руководящим принципам, выработанным группой правительственных экспертов в рамках КНО, разработка и возможное использование полностью автономных систем вооружения должно отвечать принципам международного гуманитарного права.¹⁶⁵

Так, принцип проведения различия гласит, что стороны, находящиеся в конфликте, должны в любое время проводить различие как между

GE_1_2018_WP.1.pdf; Statement by the African Group, CCW GGE on Lethal Autonomous Weapons Systems, Geneva, April 9-13, 2018, // URL: http://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/ccw/2018/gge/statements/9April_African-Group.pdf.

¹⁶² The Campaign to Stop Killer Robots, Membership, // URL: <https://www.stopkillerrobots.org/members/>.

¹⁶³ The Campaign to Stop Killer Robots, Country Views on Killer Robots, (2019) // URL: https://www.stopkillerrobots.org/wp-content/uploads/2019/10/KRC_CountryViews_25Oct2019rev.pdf.

¹⁶⁴ ICRC, 'Autonomous Weapon Systems: Implications of Increasing Autonomy in the Critical Functions of Weapons', Expert Meeting, Versoix, Switzerland, 15-16 March, (2016).

¹⁶⁵ Draft Report of the 2019 session of the Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems, Geneva, 25–29 March 2019 and 20-21 August 2019.

гражданскими лицами и комбатантами, так и между гражданскими и военными объектами.¹⁶⁶

За последние несколько десятилетий изменился характер вооруженных конфликтов. Сократилось число межгосударственных войн и наоборот возросло количество асимметричных конфликтов, характеризующихся сражениями против организованных групп или между ними. Эти изменения усложняют проведение различия между законными целями и некомбатантами. В этих конфликтах стороны часто не носят форму или знаки отличия, как это принято в международных конфликтах с участием государственных вооруженных сил. Вместо этого участники военных действий стремятся смешаться с гражданским населением, и их часто идентифицируют по их поведению или по их непосредственному участию в военных действиях.¹⁶⁷ При этом вооруженные силы по-прежнему могут атаковать лишь лиц, непосредственно участвующих в боевых действиях, но они должны щадить некомбатантов.

Поскольку разграничение между законными и незаконными целями нападения в вооруженном конфликте имеет принципиальное значение в целях защиты мирного населения, эта проблема особенно остро встает применительно к автономным системам вооружения. В литературе, посвященной исследованию данного вопроса, не раз отмечалось, что существует довольно большая вероятность неспособности полностью автономного оружия различать гражданских лиц и непосредственных участников военных действий, если последние не будут иметь соответствующих внешних признаков, позволяющих их идентифицировать. Разграничение между мирным населением, не представляющим угрозы в вооруженном конфликте и повстанцем может быть выходить далеко за пределы того, на что способно механическое или программное восприятие,

¹⁶⁶ AP I, arts. 52, 53; AP II, arts. 13, 14; Customary International Humanitarian Law, Cambridge University Press, 2005, том II, глава 2, раздел А; Санкт-Петербургская декларация, преамбула.

¹⁶⁷ HRW, IHRC, 'Losing Humanity: The Case against Killer Robots', (2012), pp. 30-31.

которое присуще оружию. Более того, таким повстанцам было бы легче ввести в заблуждение систему вооружения, скрывая оружие или используя их ограничения в распознавании чувств и поведенческих особенностей, характерных исключительно для человека.¹⁶⁸

Отсюда вытекает еще одна проблема: нет гарантий, позволяющих достоверно установить, что полностью автономное оружие будет обладать характеристиками, которые необходимы для определения и оценки намерений в действиях человека, что является одним из ключевых моментов в выборе объектов атаки.¹⁶⁹ Здесь мы вновь возвращаемся к исключительно объективному принципу работы автономной системы вооружения, поскольку один из основных способов определить намерение и дальнейшие действия какого-либо лица – это понять эмоциональное состояние данного человека. Как показывают исследования, автономная система вооружения не могла во всех без исключения случаях предсказать действия других людей на основе имеющихся у нее данных, поскольку люди обладают свойством понимают друг друга таким образом, какой недоступен машинам, а сигналы поведения могут быть очень тонкими.¹⁷⁰

Принцип соразмерности запрещает нападения на военные объекты, которые могут привести к потере жизни среди гражданского населения, ранениям гражданских лиц и ущербу гражданским объектам или и то, и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить.¹⁷¹ Как пояснил МТБЮ, при определении того, было ли нападение соразмерным, необходимо выяснить, могло ли достаточно хорошо информированное лицо в обстоятельствах фактического

¹⁶⁸ Armin Krishnan, 'Killer Robots: Legality and Ethicality of Autonomous Weapons', Ashgate Publishing, Ltd., (2009), p. 99.

¹⁶⁹ Marcello Guarini and Paul Bello, 'Robotic Warfare: Some Challenges in Moving from Non-civilian to Civilian Theaters', Lin, Abney, and Bekey, eds., Robot Ethics, p. 131.

¹⁷⁰ Ibid, p. 138.

¹⁷¹ AP I, art. 51(5)(b) 57(2)(a)(iii); Обычное МГП, нормы 14, 18, 19.

исполнителя, разумно используя имеющуюся у него информацию, ожидать чрезмерных жертв среди гражданского населения в результате нападения.¹⁷²

Другими словами, определение соразмерности военной операции по отношению к потенциальному ущербу в значительной степени зависит от контекста и конкретных обстоятельств дела. Именно поэтому лица, непосредственно вовлеченные в исследование международного гуманитарного права на практике, зачастую прибегают к человеческому суждению, а не к автоматическому принятию решений, особенно в незапланированных условиях или в ситуации давления. Так, по данным Военно-воздушных сил США пропорциональность атаки – это изначально субъективное определение.¹⁷³ К такому же выводу пришел и Международный комитет Красного Креста, занимающий, как уже было отмечено, особое положение в толковании норм МГП. Так, в своем официальном комментарии к Дополнительным Протоколам к ЖК комитет подчеркнул, что критерий соразмерности допускает довольно широкую свободу суждения со стороны руководителей военной операции. Более того, пропорциональность прежде всего должна быть вопросом здравого смысла и добросовестности военных командиров.¹⁷⁴ Соответственно, маловероятно, что автоматическое оружие может быть запрограммировано на бесконечное число сценариев, с которыми оно может столкнуться в реальной жизни.

Сторонники применения автономных систем вооружения могут возразить, аргументируя тем, что сегодня активно идет разработка оружия, обладающего способностью к самообучаемости¹⁷⁵, и достаточно разработанный искусственный интеллект позволит автономному оружию соблюдать принцип соразмерности. Так, последние достижения оказались

¹⁷² ICTY, *The Prosecutor v. Stanislav Galić and Dragomir Milosević*, (2003), para 58.

¹⁷³ Air Force Judge Advocate General's Department, 'Air Force Operations and the Law: A Guide for Air and Space Forces' (2002), p. 27.

¹⁷⁴ ICRC, Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949, pp. 679, 682.

¹⁷⁵ Nilsson, N. J., 'Introduction to Machine Learning: An Early Draft of a Proposed Textbook', (Stanford University: Stanford, CA, 1998), p. 1.

очень полезными для машинного восприятия: они позволяют программисту создавать сенсорное программное обеспечение, которое обладает замечательными возможностями в плане распознавания образов (будь то объекты, лица или радиосигналы).¹⁷⁶

Однако существует угроза того, что развитие робототехники почти наверняка опередит развитие искусственного интеллекта. В результате существует большая вероятность того, что автономные системы вооружения будут введены на поле боя до того, как робототехника узнает, насколько искусственный интеллект способен к соблюдению норм МГП. Наконец, даже если бы машина могла достичь необходимого уровня разума, она не по-прежнему обладала бы другими характеристиками — такими, как способность понимать людей и способность проявлять милосердие, которые необходимы для принятия юридических и этических решений, выходящих за рамки теста пропорциональности.¹⁷⁷

Также как и соразмерность, военная необходимость требует субъективного анализа ситуации.¹⁷⁸ Данный принцип позволяет сторонам конфликта при планировании боевых действий учитывать практические требования военной ситуации в любой заданный момент времени и шансы на победу, но в то же время эти факторы ограничены требованием гуманности.¹⁷⁹ Другими словами, доктрина военной необходимости требует, чтобы для нападения на законные военные объекты было использовано не больше силы, чем это строго необходимо.¹⁸⁰ В литературе данный принцип характеризуется как «контекстно-зависимое, ценностно-ориентированное суждение командира», хотя и в рамках определенных ограничений

¹⁷⁶Gershgorn, D., 'See the difference one year makes in artificial intelligence research', Popular Science, 31 May 2016.

¹⁷⁷HRW, IHRC, 'Losing Humanity: The Case against Killer Robots', (2012), p. 34.

¹⁷⁸Ibid.

¹⁷⁹ Françoise Hampson, "Military Necessity," Crimes of War A-Z Guide, // URL: <<http://www.crimesofwar.org/a-z-guide/military-necessity/>>.

¹⁸⁰ Nils Melzer, Etienne Kuster, 'International Humanitarian Law: A Comprehensive Introduction', (ICRC, Geneva, 2019), pp. 18-19.

разумности.¹⁸¹ Таким образом, можно предположить, что полностью автономное оружие вряд ли будет способно лучше определять военную необходимость, чем соразмерность. Например, определение того, стал ли вражеский солдат лицом, вышедшим из строя («*hors de combat*»), требует человеческого суждения.¹⁸² Полностью автономной системе вооружения будет трудно определить, был ли нарушитель, в которого уже был произведен выстрел, просто сбит на землю взрывом, слегка ранен, но может быть задержан быстрыми действиями, или ранен достаточно серьезно, чтобы больше не представлять угрозы.¹⁸³

Помимо международного гуманитарного права, которое, как известно, применяется только в случае вооружённого конфликта, существуют также нормы права прав человека, которые действуют как в ходе военных действий, так и в мирное время. МППЧ также приобретает особое значение в ситуациях, когда обстановка внутри страны уже не является спокойной, но еще не достигла необходимого уровня конфронтации: беспорядки и ситуации напряженности, бунты, акты бандитизма.

Право на жизнь – одно из прав, которое продолжает в ситуациях вооруженного конфликта и других чрезвычайных общественных ситуациях, угрожающих жизни нации. Право на жизнь имеет решающее значение, как для отдельных людей, так и для общества в целом, а его эффективная защита является необходимым условием для осуществления всех других прав человека.¹⁸⁴ Никто не может быть произвольно лишен своей жизни, и это право должно быть защищено законом. Международный пакт о гражданских и политических правах¹⁸⁵ и Европейская конвенция о защите

¹⁸¹ Benjamin Kastan, 'Autonomous Weapons Systems: A Coming Legal 'Singularity'', University of Illinois Journal of Law, Technology, and Policy, (2013), p. 17.

¹⁸² AP I, art. 41(2); Обычное МГП, норма 47.

¹⁸³ HRW, IHRC, 'Losing Humanity: The Case against Killer Robots', (2012), p. 35.

¹⁸⁴ UNHRC, General comment No. 36 on article 6 of the ICCPR, on the right to life, (2018), para.2; Communication No. R.11/45, Suarez de Guerrero v. Colombia, Views adopted on 31 March 1982, para. 13.1.

¹⁸⁵ International Covenant on Civil and Political Rights, adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966 entry into force 23 March 1976, in accordance

прав человека и основных свобод¹⁸⁶ закладывают основу для обязательств государств-участников уважать и обеспечивать право на жизнь, осуществлять его посредством законодательных и других мер, а также обеспечивать эффективные средства правовой защиты и возмещение ущерба всем жертвам нарушений данного права.

Государства, участвующие в развертывании, применении, продаже или покупке существующего оружия, а также в изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение средств или методов ведения войны, должны всегда учитывать их воздействие на право на жизнь.¹⁸⁷ Так, как указал Комитет по правам человека ООН, разработка автономных систем оружия, лишенных человеческого сострадания, поднимает сложные правовые и этические вопросы, касающиеся в том числе права на жизнь. Комитет считает, что такие системы не должны разрабатываться и вводиться в действие ни во время войны, ни в мирное время, если не будет установлено, что их применение соответствует праву на жизнь и другим соответствующим нормам международного права.¹⁸⁸

Таким образом, все вышеуказанное подтверждает, что применение полностью автономных систем вооружения, действительно, может нарушать нормы международного права. А неспособность данного вида оружия соблюдать принципы и обычаи международного гуманитарного права и нормы права прав человека подорвет правовую защиту и приведет к тому, что полностью автономное оружие будет угрожать гражданским лицам во время вооруженного конфликта.

Необходимым условием применения норм международной ответственности помимо противоправного деяния является наличие

with Article 49, art. 6(1); UNHRC, General comment No. 36 on article 6 of the ICCPR, on the right to life, (2018), para. 4.

¹⁸⁶ European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, Council of Europe, (20 March 1952), art. 2.

¹⁸⁷ AP I, art. 36(1).

¹⁸⁸ UNHRC, General comment No. 36 on article 6 of the ICCPR, on the right to life, (2018), para. 65.

субъекта, привлекаемого к ответственности. Ответственность в вооруженном конфликте выполняет по меньшей мере две функции: она сдерживает будущий ущерб гражданскому населению и предоставляет возмещение жертвам нападения.¹⁸⁹ Однако если вред будет нанесен полностью автономным оружием, встает вопрос о том, кого следует считать ответственным за его причинение. Варианты ответа включают в себя государство, программиста, производителя, военного командира и даже саму систему вооружения.

В случае применения автономного оружия в вооруженном конфликте государством, вопрос, хотя и остается спорным, поскольку прямого запрета на использование данного типа вооружения пока не установлено, является менее сложным. Государства, как основные участники международного общения, связаны договорными и внедоговорными обязательствами с другими суверенными государствами и несут ответственность перед ними и международным сообществом в целом. Однако, как уже было отмечено ранее, ответственность государства не означает снятие бремени ответственности с частных лиц, чьи действия повлекли за собой нарушение международно-правового обязательства. В соответствии с руководящими принципами, принятыми участниками КНО, ответственность за разработку, развертывание и применение любой новой системы вооружений должна обеспечиваться в соответствии с применимым международным правом, в том числе посредством функционирования таких систем в рамках человеческого командования и контроля.¹⁹⁰ Однако в доктрине не сложилось единство взглядов относительно индивидуальной ответственности за применение автономного оружия, повлекшее нарушение международного права.

¹⁸⁹ HRW, IHRC, 'Losing Humanity: The Case against Killer Robots', (2012), p. 42.; Michael N. Schmitt, *Investigating Violations of International Law in Armed Conflict*, Harvard National Security Journal, vol. 2, (2011), // URL: http://www.harvardnsj.com/wpcontent/uploads/2011/01/Vol.-2_Schmitt_FINAL.pdf.

¹⁹⁰ Draft Report of the 2019 session of the Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems, Geneva, 25–29 March 2019 and 20-21 August 2019.

Наиболее распространенная точка зрения состоит в привлечении к ответственности лица, отвечающего за программирование системы вооружения.¹⁹¹ Учитывая, что оружие предположительно не должно вести себя неправомерным образом, возникает гипотеза, что вина лежит на человеке (лицах), которые спроектировали и/или запрограммировали оружие, и что они должны нести ответственность за его разрушительный результат.¹⁹² Однако это будет справедливо, только если неблагоприятная ситуация возникла в результате небрежности со стороны проектной/программной группы. В противном случае, данная позиция не представляется верной. Вероятность того, что автономная система будет делать выбор, отличный от того, который предсказывают и поощряют ее программисты, вытекает из утверждения, что она полностью автономна. Если роботизированная система обладает достаточной автономией, чтобы учиться на собственном опыте и окружающей ее обстановке, то она может принимать решения, отражающие их в той же мере или даже в большей степени, чем первоначальное программирование. Чем больше система автономна, тем больше она способна принимать решения, отличные от тех, которые предсказывают ее программисты. В этой ситуации уже невозможно будет возложить на программистов-проектировщиков ответственность за результаты, которые они не могли ни контролировать, ни предсказывать.¹⁹³ Связь между программистами и результатами работы системы, которая могла бы служить основанием для присвоения ответственности, нарушается автономией системы.

Примерно так же обстоит ситуация с привлечением к ответственности производителей оружия. Так, некоторые исследователи в данной области указывали на режим ответственности за изготавливаемую продукцию как на потенциальную модель привлечения производителей к ответственности за

¹⁹¹ Robert Sparrow, 'Killer Robots', *Journal of Applied Philosophy*, vol. 24, no. 1 (2007), p. 67.

¹⁹² A. Kuflik, 'Computers in Control: Rational transfer of authority or irresponsible abdication of autonomy', *Ethics and Information Technology*, 1, 3 (1999), pp. 173–184.

¹⁹³ Robert Sparrow, 'Killer Robots', *Journal of Applied Philosophy*, vol. 24, no. 1 (2007), pp. 69-70.

нарушения международного гуманитарного права, вызванные полностью автономным оружием.¹⁹⁴ При этом указывалось, что если бы производители могли нести строгую ответственность за недостатки в этом оружии, то это дало бы им стимул производить высоконадежное оружие, чтобы избежать технических ошибок в период последующей эксплуатации.

Однако привлечение к ответственности производителей систем вооружения не имеет разумного обоснования. Во-первых, частные производители оружия, как правило, не наказываются за то, как их оружие используется, особенно если производители добросовестно раскрывают все возможные риски неисправности покупателям военной техники заранее.¹⁹⁵ Крайне маловероятно, что какая-либо компания будет производить и продавать оружие, которое по своей сути является опасным, зная, что их фирма может быть привлечена к строгой ответственности за любое применение, которое нарушает международное гуманитарное право. Во-вторых, ответственность за продукцию требует гражданского иска, который возлагает бремя ответственности на потерпевших. Нереалистично ожидать, что жертвы вооруженного конфликта среди гражданского населения, которые часто страдают от нищеты и географически перемещены в результате военных действий, будут подавать иски о помощи против производителя в иностранный суд, даже если правовые нормы позволят им взыскать ущерб.¹⁹⁶ Таким образом, модель строгой ответственности не сможет создать надежного сдерживающего фактора для производителей или обеспечить репарацию в отношении жертв.

Представители другой точки зрения настаивают на ответственности военного командира. Так, в определенных ситуациях командир может быть привлечен к ответственности за военные преступления, совершенные

¹⁹⁴ Patrick Lin, George Bekey, and Keith Abney, "Autonomous Military Robotics: Risk, Ethics, and Design," December 20, 2008, pp. 55-56, // URL: http://ethics.calpoly.edu/ONR_report.pdf.

¹⁹⁵ Robert Sparrow, 'Killer Robots', *Journal of Applied Philosophy*, vol. 24, no. 1 (2007), p. 69

¹⁹⁶ HRW, IHRC, 'Losing Humanity: The Case against Killer Robots', (2012), p. 43.

подчиненным, например, если командир знал или должен был знать, что лицо планирует совершить преступление, но не предпринял никаких действий для его предотвращения или не наказал преступника после совершения преступления.¹⁹⁷ Согласно этой теории, офицер, отдавший распоряжение о разворачивании системы оружия, должен нести ответственность за последствия ее применения. Риск того, что применение оружия может привести к незапланированному результату, принимается командиром на себя в момент принятия решения о введении машины в действие.¹⁹⁸ Это согласуется с уже установившейся практикой, когда используется другое оружие, способное причинить смерть человеку, который не является объектом нападения. В этих случаях необходимо настаивать на том, что те, кто использует такое оружие, должны нести ответственность за смерти, которые оно влечет за собой. Так, если рассматривать автономность оружия как свойство, в силу которого его действия не всегда можно достоверно предсказать и поэтому оно может атаковать незаконные цели, то аналогия с существующим оружием может быть достаточно близкой. Использование автономных систем вооружения, таким образом, похоже на использование дальнобойной артиллерии: риск того, что снаряды могут упасть вне цели, учитывается, когда принимается решение о стрельбе. Если снаряды действительно становятся причиной жертв среди гражданского населения, а не предполагаемых целей, ответственность за решение остается за командиром.¹⁹⁹

Однако хотя принцип ответственности командира направлен на пресечение нарушений международного гуманитарного права путем усиления надзора за их действиями, эта доктрина не совсем подходит для полностью автономного оружия. С одной стороны, ответственность

¹⁹⁷AP I, arts. 86(2), 87; Richard M. O'Meara, "Contemporary Governance Architecture Regarding Robotics Technologies," in Lin, Abney, and Bekey, eds., *Robot Ethics*, p. 166.

¹⁹⁸ A. Lazarski, 'Legal Implications of the Uninhabited Combat Aerial Vehicle' *Aerospace Power Journal* 16, 2 (2002), p. 74.

¹⁹⁹ Robert Sparrow, 'Killer Robots', *Journal of Applied Philosophy*, vol. 24, no. 1 (2007), pp. 70-71.

командования, скорее всего, будет применяться, если командир заранее знал о возможности незаконных действий против гражданских лиц и, тем не менее, вопреки здравому смыслу использовал полностью автономное оружие.²⁰⁰ Наступление юридических последствий в такой ситуации было бы юридически уместно.

С другой стороны, принятие данной точки зрения означает, что между автономным оружием и более обычным, не оснащенным до такой степени искусственным интеллектом, нет принципиальной разницы. Таким образом, этот способ решения проблемы не вполне согласуется с первоначальными утверждениями об автономии таких систем. Что отличает полностью автономные системы вооружения от иных видов оружия, так это то, что они имеют возможность выбирать свои собственные цели. Если мы понимаем автономию, которую они проявляют при этом, только как ограничение человеческой способности предсказывать, как они будут себя вести, то на первый взгляд это означает, что чем более автономными они становятся, тем меньше уверенности в том, что они нападут на те цели, которые были запланированы.²⁰¹ Более того, командир может быть не в состоянии определить угрозу до развертывания, потому что он не отвечает за программное обеспечение системы. Если бы командир сразу понял, что робот может совершить преступление, он не смог бы перепрограммировать его в реальном времени, чтобы предотвратить преступление, потому что полностью автономная система вооружения действует независимо от человеческого контроля.²⁰²

Таким образом, за исключением случаев неосторожных действий, командир не должен нести ответственность за действия полностью автономного оружия.

²⁰⁰ HRW, IHRC, 'Losing Humanity: The Case against Killer Robots', (2012), p. 43.

²⁰¹ C. J. Dunlap, Jr, 'Technology: Recomplicating Moral Life for the Nation's Defenders' Parameters: US Army War College Quarterly Autumn (1999), pp. 24–53.

²⁰² HRW, IHRC, 'Losing Humanity: The Case against Killer Robots', (2012), pp. 43-44.

Последним возможным вариантом ответственности является сама автономная система вооружения. Это точка зрения, хотя и была высказана, сегодня является единственной, по поводу которой споры не ведутся: участники Конвенции о некоторых видах обычного оружия единогласно пришли к выводу, что машина не может быть субъектом ответственности.²⁰³ Трудно всерьез воспринимать идею о том, что машина должна — или могла бы отвечать за последствия "своих" действий.²⁰⁴ Некоторые авторы утверждали, что автономное оружие можно рассматривать как «искусственно созданных агентов» государства²⁰⁵, но эти аргументы не получили поддержки и дальнейшего развития. Ответственность человека за принятие решений о применении систем вооружений должна быть сохранена, поскольку ответственность не может быть передана машинам, и это следует учитывать на протяжении всего жизненного цикла системы вооружений.²⁰⁶

Тем не менее, анализируя все вышесказанное, можно сказать, что привлечение к ответственности любого из описанных выше субъектов-командиров, программистов или производителей, не только вряд ли будет справедливым или эффективным, но и не будет препятствовать самим роботам причинять вред гражданским лицам посредством незаконных действий. Полностью автономное оружие действует, по определению, без человеческого надзора и контроля, и поэтому его действия зачастую не могут зависеть от лиц, причастных к его деятельности. Поэтому наиболее логичным решением в целях предотвращения в будущем негативных

²⁰³ Draft Report of the 2019 session of the Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems, Geneva, 25–29 March 2019 and 20–21 August 2019.

²⁰⁴ T. Forrester, 'Computer Ethics' (Cambridge, MA: MIT Press, 1990), p. 122; I. Edgar, 'Morality and Machines' (Sudbury, MA: Jones and Bartlett Publishers, 1997), pp. 368–369.

²⁰⁵ L. L. Floridi, J. W. Sanders, 'Artificial Evil and the Foundation of Computer Ethics' in D. G. Johnson, J. H. Moor and H. Tavani (eds.) Proceedings for Computer Ethics: Philosophical Enquiry 2000, Dartmouth College, July 14–16 (Hanover, New Hampshire, 2000), pp. 142–156; L. L. Floridi and J. W. Sanders 'On the Morality of Artificial Agents' in R. F. Chadwick, L. Introna, and A. Marturano (eds.), Proceedings of the Computer Ethics: Philosophical Enquiry 2001 Conference: IT and the Body, Lancaster University, 14–16 December, (Lancaster, U.K., 2001), pp. 84–107.

²⁰⁶ Robert Sparrow, 'Killer Robots', Journal of Applied Philosophy, vol. 24, no. 1 (2007), p. 71.

последствий, будет введение строго определенных ограничений на деятельность полностью автономных систем вооружения, регламентированных международным правом.

Заключение

Проанализировав международные договоры и нормы обычного международного права, решения различных международных судебных учреждений, а также монографии, научные статьи и мнения экспертов, посвященные исследованию международной ответственности в целом, и ответственности за применение автономных систем вооружения, автор пришел к следующим выводам:

1. Концепция международной ответственности претерпела значительные изменения: (1) международное право не рассматривает больше устранение ущерба в качестве условия для привлечения к ответственности; (2) международная правосубъектность, то есть способность быть частью международно-правовой системы, признается не только за государствами, но и за другими субъектами (международные и региональные организации, неправительственные организации, публичные и частные компании и физические лица); (3) возможны ситуации, при которых ответственность наступает и вследствие осуществления правомерных с точки зрения международного права действий (например, причинение вреда окружающей среде в результате законной деятельности по освоению космоса).

Институт международной ответственности обеспечивает эффективность и развитие международного публичного права.

2. Специфика международной ответственности государств заключается в их правовом статусе: государства продолжают оставаться основным центром социальной организации людей и играют наиболее значимую роль в международном сообществе.

Что касается оснований ответственности государств, то при отсутствии прямого указания в нормах международного права на иное, только деяние государства, выражающееся в действии или бездействии, которое нарушает его международное обязательство и присваивается данному государству, имеет

значение для установления ответственности. Любые другие элементы международной ответственности (вина, причинение вреда, отсутствие должной осмотрительности и т.д.) могут иметь место в определенных ситуациях, однако не являются обязательными.

Несмотря на то, что международная ответственность государств охватывает большую часть международной ответственности, она может существовать одновременно с индивидуальной ответственностью частных лиц. Эти два правовых явления не являются в международном праве взаимоисключающими. Существует определенный перечень преступлений, за которые ответственность могут нести непосредственно физические лица: планирование, подготовка или ведение агрессивной войны; геноцид; преступления против человечности; убийство покровительствуемых лиц в вооруженном конфликте; терроризм и пытки. Отметим, что индивидуальная ответственность не обязательно означает, что государство может отрицать свою собственную ответственность, перенося ее на своих должностных лиц или отдельные государственные органы.

3. Международное гуманитарное право выделяет 2 типа вооруженных конфликтов: вооруженный конфликт международного характера и немеждународный вооруженный конфликт. Международные вооруженные конфликты существуют всякий раз, когда два и более государства применяют вооруженную силу относительно друг друга или намереваются ее применить. Немеждународные вооруженные конфликты представляют собой затяжные вооруженные столкновения, возникающие между правительственными вооруженными силами и силами одной или нескольких вооруженных групп или между такими группами, возникающими на территории государства. Вооруженные конфликты немеждународного характера должны достигнуть минимального уровня интенсивности и организованности, в то время как для международных конфликтов такие критерии не применяются.

4. Под полностью автономной системой вооружения, по мнению МККК, понимается оружие, которое может выбирать (т.е. искать или обнаруживать, идентифицировать, отслеживать) и атаковать (т.е. перехватывать, применять силу, нейтрализовать, повреждать или уничтожать) цели без вмешательства человека. Использование такого автономного оружия подразумевает устранение значимого человеческого контроля от критически важных функций машины по выбору и нападению на объекты атаки.

Несмотря на то, что полностью автономные системы вооружения не урегулированы на сегодняшний день специальными правовыми нормами, в МГП установлено, что стороны, находящиеся в конфликте, не свободны в выборе методов или средств ведения войны. Соответственно, при разработке и использовании новых видов вооружения должны соблюдаться нормы международного права.

В данном случае речь идет о принципах гуманитарного права (принцип проведения различия, принцип соразмерности и военной необходимости) и норме обычного права – оговорке Мартенса, а также верховном праве на жизнь, в соответствии с которыми должно осуществляться потенциальное использование оружия, основанного на новейших технологиях.

5. Ввиду полной независимости автономных систем вооружения от человеческого контроля, применение данного типа вооружения может нарушать нормы международного права. Следовательно, неспособность данного вида оружия соблюдать принципы и обычаи международного гуманитарного права и нормы права прав человека подорвет правовую защиту и приведет к тому, что полностью автономное оружие будет угрожать гражданским лицам во время вооруженного конфликта.

Что касается субъекта ответственности за использование полностью автономных систем вооружения, привлечение к ответственности любого предлагаемых лиц: военных командиров, программистов или

производителей, не только не будет справедливым или эффективным, но и не будет препятствовать причинению вреда гражданским лицам посредством незаконных действий. Полностью автономное оружие действует, по определению, без человеческого надзора и контроля, и поэтому его действия зачастую не могут зависеть от лиц, причастных к его деятельности. Поэтому наиболее логичным решением в целях предотвращения в будущем негативных последствий, будет введение строго определенных ограничений на деятельность полностью автономных систем вооружения, регламентированных международным правом.

Список использованных источников

Международные договоры и акты ООН:

1. Дополнительный протокол IV к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (1995), // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901755153>;
2. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 29 июля 1899 года, преамбула. // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents>;
3. Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, (1980), // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-ccw-101080.htm>;
4. Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении [Оттавская конвенция], (1997), // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mines_convention.shtml;
5. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972), // URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/arms0818_web.pdf;
6. Конвенция по кассетным боеприпасам (2008), // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cluster_munitions.shtml;
7. Санкт-Петербургская декларация «Об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль», (1868), // URL: <https://ihldatabases.icrc.org/>;

8. Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, (12 January, 1951), // URL: <https://www.un.org>;
9. Convention relative to the Laying of Automatic Submarine Contact Mines (Hague Convention VIII of 18 October 1907), // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/>;
10. Declaration on the Inadmissibility of Intervention and Interference in the Internal Affairs of States, UN GA Resolution 3314 (XXIX), (1974), // URL: <https://www.un.org>;
11. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, Council of Europe, (20 March 1952), // URL: <https://www.echr.coe.int/>.
12. Geneva Convention (I) for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field. Geneva, (12 August 1949), // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/>;
13. Geneva Convention (II) for the Amelioration of the Condition of Wounded, Sick and Shipwrecked Members of Armed Forces at Sea. Geneva, (12 August 1949), // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/>;
14. Geneva Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, (12 August 1949), // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/>;
15. Geneva Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. Geneva, (12 August 1949), // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/>;
16. International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings, UN Doc. A/RES/52/164, 37 ILM (1998), // URL: <https://treaties.un.org/>;
17. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism, UN Doc. A/RES/54/109, 39 ILM, (2000), // URL: <https://treaties.un.org/>;
18. International Covenant on Civil and Political Rights, (1966), // URL: <https://treaties.un.org/>;

19. International Law Commission, Articles on State Responsibility, General Assembly, Official Records, Fifty-fifth Session, Supplement No. 10, (August 2001), // URL: <http://www.un.org/law/ilc/>;
20. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), (8 June 1977), // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/>;
21. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of Non-International Armed Conflicts (Protocol II), (8 June 1977), // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/>;
22. Rome Statute of the International Criminal Court, (1998), // URL: <https://www.icc-cpi.int/>;
23. Statutes of the International Red Cross and Red Crescent Movement, (adopted by the 25th International Conference of the Red Cross at Geneva in 1986, amended in 1995 and 2006), // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/>;
24. The Charter of the International Military Tribunal of Nuremberg, (15 March, 1951), // URL: <https://www.un.org/>;
25. The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia Statute, (1993), // URL: <https://www.un.org/>;
26. United Nations Convention on the Law of the Sea, (1982), // URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf;
27. United Nations General Assembly, Resolution 56/83, (12 December 2001), // URL: <https://legal.un.org/>;
28. United Nations Human Rights Committee (UNHRC), General comment No. 36 on article 6 of the ICCPR, on the right to life, (2018), // URL: <https://www.ohchr.org/>;
29. Vienna Convention on Law of the Treaties, (23 May 1969), // URL: <https://treaties.un.org/>;

Судебная практика:

30. Международный Суд ООН, Консультативное заключение Международного Суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения, (1996), // URL: <https://www.icj-cij.org/en/cases>;
31. Geneva Arbitration (the 'Alabama' case), in Moore, History and Digest, vol. IV, p. 4144, // URL: <https://www.swissarbitration.org/>;
32. ICJ, Fisheries case, Judgment, ICJ Reports, (1951), // URL: <https://www.icj-cij.org/en/cases>;
33. ICJ, Applicability of the Obligation to Arbitrate under Section 21 of the United Nations Headquarters Agreement of 26 June 1947, Advisory Opinion, ICJ Reports, (1988), // URL: <https://www.icj-cij.org/en/cases>;
34. ICJ, Application of the Convention of 1902 Governing the Guardianship of Infants, Judgment, ICJ Reports, (1958), // URL: <https://www.icj-cij.org/en/cases>;
35. ICJ, Application of the Genocide Convention case, Preliminary Objections, (1995), // URL: <https://www.icj-cij.org/en/cases>;
36. ICJ, Corfu Channel, Merits, Judgment, ICJ. Reports, (1949) // URL: <https://www.icj-cij.org/en/cases>;
37. ICJ, Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia), Judgment, (1997), // URL: <https://www.icj-cij.org/en/cases>;
38. ICJ, La Grand (Germany v. United States of America), Provisional Measures, Order of 3 March 1999, I.C.J. Reports (1999), // URL: <https://www.icj-cij.org/en/cases>;
39. ICJ, Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment, ICJ Reports, (1986), // URL: <https://www.icj-cij.org/en/cases>;
40. ICJ, Nottebohm case, Preliminary Objection, Judgment, ICJ Reports, (1953), // URL: <https://www.icj-cij.org/en/cases>;
41. ICJ, Nuclear Tests (Australia v. France), (1974), // URL: <https://www.icj-cij.org/en/cases>;

42. ICJ, Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations, ICJ Reports, (1949), // URL: <https://www.icj-cij.org/en/cases>;
43. ICJ, United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran, Judgment, ICJ Reports, (1980), // URL: <https://www.icj-cij.org/en/cases>;
44. ICTR, The Prosecutor v. Georges Rutaganda, Trial Judgment, (ICTR-96-3-A), (1999), // URL: <https://unictr.irmct.org/en/cases>;
45. ICTR, The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu, Trial Judgment, (ICTR-96-4-T), (1998), // URL: <https://unictr.irmct.org/en/cases>;
46. ICTY, The Prosecutor v. Dusko Tadic, IT-94-1-AR72, Appeals Chamber, Decision of 2 October 1995, // URL: <https://www.icty.org/en/cases>;
47. ICTY, The Prosecutor v. Fatmir Limaj Haradin Bala Isak Musliu, Trial Judgment, (IT-03-66), (2005), // URL: <https://www.icty.org/en/cases>;
48. ICTY, The Prosecutor v. Furundzija, Judgment, (1998), IT-95/17/1, // URL: <https://www.icty.org/en/cases>;
49. ICTY, The Prosecutor v. Ljube Boškoski and Johan Tarčulovski, Trial Judgment, (IT-04-82), (2008), // URL: <https://www.icty.org/en/cases>;
50. ICTY, The Prosecutor v. Mucić et al. (Čelebići Camp), Case No. IT96-21, Judgment (Trial Chamber), (16 November 1998), // URL: <https://www.icty.org/en/cases>;
51. ICTY, The Prosecutor v. Ramush Haradinaj, Idriz Balaj, Lahi Brahimaj, Judgment, (IT-04-84-A), (2010), // URL: <https://www.icty.org/en/cases>;
52. ICTY, The Prosecutor v. Stanislav Galić and Dragomir Milošević, (IT-98-29), (2003), // URL: <https://www.icty.org/en/cases>;
53. ICTY, The Prosecutor v. Zoran Kupreskić, (IT-95-16), (2000), // URL: <https://www.icty.org/en/cases>;
54. ILR, Case concerning the difference between New Zealand and France concerning the interpretation or application of two agreements, concluded on 9 July 1986 between the two States and which related to the problems arising

from the Rainbow Warrior Affair, ('Rainbow Warrior case'), (1990), // URL: <https://www.lcil.cam.ac.uk/>;

55. Inter-American Court of Human Rights, Re-Introduction of the Death Penalty in the Peruvian Constitution case, Advisory Opinion, 16 HRLJ, (1995), // URL: <http://www.corteidh.or.cr/index-en.cfm>;

56. PCIJ, Case of Certain questions relating to settlers of German origin the territory ceded by Germany to Poland, Advisory opinion, PCIJ B. No 6, // URL: <https://www.icj-cij.org/en/pcij>;

57. PCIJ, Factory at Chorzów, Jurisdiction, Judgment No. 8, 1927, PCIJ., Series A, No. 9, // URL: <https://www.icj-cij.org/en/pcij>;

58. PCIJ, Free Zones of Upper Savoy and the District of Gex, Order of 6 December 1930, P.C.I.J., Series A, No. 24. // URL: <https://www.icj-cij.org/en/pcij>.

59. PCIJ, German Settlers in Poland, Advisory Opinion, (1923), Series B, No. 6, // URL: <https://www.icj-cij.org/en/pcij>;

60. PCIJ, Greco-Bulgarian "Communities", Advisory Opinion, 1930, Series B, No. 17, // URL: <https://www.icj-cij.org/en/pcij>;

61. PCIJ, Phosphates in Morocco, Judgment, (1938), PCIJ., Series A/B, No. 74, // URL: <https://www.icj-cij.org/en/pcij>;

62. PCIJ, S.S. "Wimbledon", (1923), PCIJ, Series A, No. 1, // URL: <https://www.icj-cij.org/en/pcij>;

63. PCIJ, Treatment of Polish Nationals and Other Persons of Polish Origin or Speech in the Danzig Territory, Advisory Opinion, 1932, Series A/B, No. 44, // URL: <https://www.icj-cij.org/en/pcij>;

64. Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals, The Krupp Case, vol. IX, (Washington: US Government Printing Office, 1950), // URL: <https://www.loc.gov/>;

65. UNRIAA, Dickson Car Wheel Company (U.S.A.) v. United Mexican States, vol. IV (Sales No. 1951.V.1), // URL: <https://legal.un.org/riaa/>;

66. UNRIAA, Dickson Car Wheel Company (U.S.A.) v. United Mexican States, vol. IV (Sales No. 1951.V.1), // URL: <https://legal.un.org/riaa/>;

67. UNRIAA, *Gustave Caire (France) v. United Mexican States*, 13, (1929) Vol. V, // URL: <https://legal.un.org/riaa/>;

68. UNRIAA, *Home Frontier and Foreign Missionary Society of the United Brethren in Christ (United States) v. Great Britain*, (1920) Vol. VI, // URL: <https://legal.un.org/riaa/>;

69. UNRIAA, *International Fisheries Company (U.S.A.) v. United Mexican States*, (1931), // URL: <https://legal.un.org/riaa/>;

70. UNRIAA, *Norwegian Shipowners' Claims (Norway v. United States of America)*, vol.I (Sales No. 1948.V.2), // URL: <https://legal.un.org/riaa/>;

Литература:

71. Батычко В.Т. *Международное право. Конспект лекций.* / В. Т. Батычко// – Таганрог: ТТИ ЮФУ, – 2011;

72. Давид Э. *Принципы права вооруженных конфликтов* / Э. Давид// — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. — 1144 с;

73. Игнатенко Г.В. *Международное право: учебник для вузов.* / Г. В. Игнатенко // М: Норма-Инфра. – 1999. – 584 с;

74. Колосов Ю. М. *Ответственность в международном праве.* / Ю. М. Колосов // – 2-е изд., стер. М.: Статут., – 2014. – 224 с;

75. Левин Д.Б. *Ответственность государств в современном международном праве.* /Д. Б. Левин // *Международные отношения.* – 1966. – 152 с;

76. Лукашук И.И. *Международное право. Особенная часть: Учебник для студентов юридических факультетов и вузов* / И. И. Лукашук// – Издание 3-е. М.: Волтерс Клувер, – 2005. – 544 с;

77. Нильс Мельцер, Этьен Кустьер *Международное гуманитарное право: общий курс.* – 419 с. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc>;

78. Чепров И.И. *Новые проблемы международного права.* /И.И. Чепров// – М.: Международные отношения., –1969. – 80 с;

79. A. Abass, 'Complete International Law', Oxford University Press, (2012);
80. A. Pellet, 'Le Droit International entre Souveraineté et Communauté', (1997);
81. Amanda Sharkey, 'Can We Program or Train Robots to be Good?' Ethics and Information Technology, (2017);
82. Armin Krishnan, 'Killer Robots: Legality and Ethicality of Autonomous Weapons', Ashgate Publishing, Ltd., (2009);
83. Benjamin Kastan, 'Autonomous Weapons Systems: A Coming Legal 'Singularity?', University of Illinois Journal of Law, Technology, and Policy, (2013);
84. C. Chinkin, F. Baetens, 'Sovereignty, Statehood and State Responsibility', Part III, Cambridge University Press, (2015);
85. Customary International Humanitarian Law, Cambridge University Press, (2005);
86. D. Anzilotti, 'The Law of International Responsibility of States', (Paris, Panthéon-Assas/LGO), (1999);
87. D. H. Johnson, 'Piracy in Modern International Law', 43 Transactions of the Grotius Society, (1957);
88. Dinah Shelton, 'Remedies in International Human Rights Law ', (Oxford: Oxford University Press, 2005);
89. E. Williams, 'Defining autonomy in systems: challenges and solutions, Autonomous Systems: Issues for Defence Policymakers', (NATO: Norfolk, VA, 2015);
90. Françoise Hampson, "Military Necessity," Crimes of War A-Z Guide, // URL: <<http://www.crimesofwar.org/a-z-guide/military-necessity/>>;
91. G. E. White, 'The Marshall Court and International Law: The Piracy Cases', 83 AJIL, (1989);
92. Gershgorn, D., 'See the difference one year makes in artificial intelligence research', Popular Science, 31 May, (2016);

93. H. Grotius, 'The Rights of War and Peace', (1625), Ch. XVII, para 1 (vol II, 884);
94. H. Lauterpacht, 'International Law and Human Rights' (reprint 1968), Hamden: Archon Books, (1950);
95. H. Lauterpacht, 'International Law', Cambridge University Press, (1977);
96. Heping Dang, 'International Law, Human Rights, and Public Opinion: The Role of the State in Educating on Human Rights Standards' (London: Taylor & Francis Group, 2017);
97. HRW, IHRC, 'Heed the Call: A Moral and Legal Imperative to Ban Killer Robots', (2018) // URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/arms0818_web.pdf;
98. HRW, IHRC, 'Making the Case :The Dangers of Killer Robots and the Need for a Preemptive Ban', (2016);
99. HRW, IHRL, 'Losing Humanity: The Case against Killer Robots', // URL: <https://www.hrw.org>;
100. I. Brownlie, 'System of the Law of Nations: State Responsibility', Part I (Oxford, Clarendon Press, 1983);
101. I. Edgar, 'Morality and Machines' (Sudbury, MA: Jones and Bartlett Publishers, 1997);
102. ICRC, 'Autonomous Weapon Systems: Implications of Increasing Autonomy in the Critical Functions of Weapons', Expert Meeting, Versoix, Switzerland, 15-16 March, (2016);
103. ICRC, 'Autonomous weapon systems: is it morally acceptable for a machine to make life and death decisions?', CCW Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapon Systems, Geneva, 13–17 April, (2015);
104. ICRC, 'How is the term "armed conflict" defined in international humanitarian law?' – Opinion Paper, (March 2008), //URL: <https://www.icrc.org/ru/doc>;

105. ICRC, *Autonomous Weapon Systems: Implications of Increasing Autonomy in the Critical Functions of Weapons*, Expert Meeting, Versoix, Switzerland, 15-16 March, (2016);
106. ICRC, *Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949*, (1987);
107. in Lin, Abney, and Bekey, eds., *Robot Ethics*, (2016);
108. J. Crawford, 'State Responsibility: The General Part', Cambridge University Press, (2013);
109. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson, 'The Law of International Responsibility', Oxford University Press, (2010);
- A. J. Dunlap, Jr, 'Technology: Recomplicating Moral Life for the Nation's Defenders' Parameters: US Army War College Quarterly Autumn, (1999)
110. K. Anderson, C. Waxman, 'Law and Ethics for Autonomous Weapon Systems', Jean Perkins Task Force on National Security and Law, (2013);
111. K. Wellens, 'Remedies Against International Organizations', Cambridge University Press, (2002), pp. 10-27; Malcolm N. Shaw, 'International Law', 7th edition, Cambridge University Press, (2014);
112. Kross, J., 'Le départ du professeur Martens', (1990);
- B. Kuflik, 'Computers in Control: Rational transfer of authority or irresponsible abdication of autonomy', *Ethics and Information Technology*, 1, 3 (1999);
113. L. L. Floridi and J. W. Sanders 'On the Morality of Artificial Agents' in R. F. Chadwick, L. Introna, and A. Marturano (eds.), *Proceedings of the Computer Ethics: Philosophical Enquiry 2001 Conference: IT and the Body*, Lancaster University, 14–16 December, (Lancaster, U.K., 2001);
114. L. L. Floridi, J. W. Sanders, 'Artificial Evil and the Foundation of Computer Ethics' in D. G. Johnson, J. H. Moor and H. Tavani (eds.) *Proceedings for Computer Ethics: Philosophical Enquiry 2000*, Dartmouth College, July 14–16 (Hanover, New Hampshire, 2000);

115. Larry May, 'Hobbes, Law, and Public Conscience', *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, vol. 19, (2016);
- C. Lazarski, 'Legal Implications of the Uninhabited Combat Aerial Vehicle' *Aerospace Power Journal* 16, 2 (2002);
116. Louise Doswald-Beck, 'New Protocol on Blinding Laser Weapons', *International Review of the Red Cross*, no. 312 (1996), <https://www.icrc.org/eng/resources/documents/article/other/57jn4y.htm>;
117. M. C. Bassiouni, 'Crimes Against Humanity in International Criminal Law', 2nd edition, The Hague, (1999);
118. Malcolm N. Shaw, 'International Law', 7th edition, Cambridge University Press, (2014)
119. Malcolm N. Shaw, 'International Law', 8th edition, Cambridge University Press, (2017);
120. Marcello Guarini and Paul Bello, 'Robotic Warfare: Some Challenges in Moving from Non-civilian to Civilian Theaters', Lin, Abney, and Bekey, eds., *Robot Ethics*, (2011);
121. Marco Sassóli, 'Autonomous Weapons and International Humanitarian Law: Advantages, Open Technical Questions and Legal Issues to be Clarified', 90 *INT'L L. STUD.* 308 (2014) Volume 90;
122. Mary Wareham, 'It's Time for a Binding, Absolute Ban on Fully Autonomous Weapons', commentary, *Equal Times*, November 9, 2017, // URL: <https://www.hrw.org/news/2017/11/09/its-time-binding-absolute-ban-fully-autonomous-weapons>;
123. Michael N. Schmitt, J. Thurnher, 'Out of the Loop', *Harvard National Security Journal*, (2013);
124. Nilsson, N. J., 'Introduction to Machine Learning: An Early Draft of a Proposed Textbook', (Stanford University: Stanford, CA, 1998);
125. Noel E. Sharkey, 'The automation and proliferation of military drones and the protection of civilians', *Journal of Law, Innovation and Technology*, Vol. 3, No. 2, (2001);

126. Noel E. Sharkey, 'The inevitability of autonomous robot warfare', *International Review of the Red Cross*, Volume 94, Number 886, (2012);
- A. Nollkaemper, 'Concurrence between Individual Responsibility and State Responsibility in International Law', *The International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 52, No. 3 (Jul., 2003);
- D. Nollkaemper, D. Jacobs, 'Distribution of Responsibilities in International Law', Cambridge University Press, (2015);
127. P. Allott, 'State Responsibility and the Unmaking of International Law', *29 Harvard International Law Review* (1988);
128. P. Reuter, 'Trois observations sur la codification de la responsabilité internationale des États pour fait illicite', - *Mélanges Michel Virally*, (Pedone, Paris, 1991);
129. Patrick Lin, George Bekey, and Keith Abney, "Autonomous Military Robotics: Risk, Ethics, and Design," December 20, 2008, pp. 55-56, // URL: http://ethics.calpoly.edu/ONR_report.pdf;
130. PAX, 'Killer Robots: What are they and what are the concerns?', May, (2019);
131. Peter W. Singer, 'Wired for war: The robotics revolution and conflict in the 21st century', (2009);
132. Pictet, J., 'Le droit humanitaire et la protection des victimes de la guerre', Leiden, Sijthoffet Genève, Inst. H. Dunant, (1973);
133. R. Ago, 'Third Report on State Responsibility', *ILC Yearbook 1911*, Vol 11(1), 199, 205;
134. R. Portmann, 'Legal Personality in International Law', Cambridge University Press, (2010);
135. Richard M. O'Meara, 'Contemporary Governance Architecture Regarding Robotics Technologies', (2012);
136. Robert Sparrow, 'Killer Robots', *Journal of Applied Philosophy*, vol. 24, no. 1 (2007);

137. Ronald C. Arkin, 'Ethical Robots in Warfare', Georgia Institute of Technology (Jan. 20, 2009), // URL: <http://www.cc.gatech.edu/ai/robot-lab/online-publications/arkin-rev.pdf>;

138. T. Forrester, 'Computer Ethics' (Cambridge, MA: MIT Press, 1990);

139. V. Boulanin, M. Verbruggen, 'Mapping the Development of Autonomy in Weapons Systems', Stockholm International Peace Research Institute, November, (2017);

Другие источники:

140. Draft Report of the 2019 session of the Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems, Geneva, 25–29 March 2019 and 20-21 August 2019 // URL: <https://www.stopkillerrobots.org>;

141. British Ministry of Defence, Development, Concepts and Doctrine Centre (DCDC), Joint Doctrine Publication 0.30.2: Unmanned Aircraft Systems (DCDC: Shrivenham, Aug. 2017);

142. Government of Switzerland, 'Towards a "compliance-based" approach to LAWS', Informal Working Paper, 30 Mar. 2016, CCW Informal Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapon Systems, Geneva, 11–15 April, (2016);

143. The Campaign to Stop Killer Robots, 'Nations agree to take on killer robots!', (2013), // URL: <https://www.stopkillerrobots.org/2013/11/ccwmandate/>;

144. Summary of Statement by Human Rights Watch, CCW First Review Conference, 'Summary Record of the 6th Meeting', CCW/CONF.I/SR.6, September 28, (1995);

145. Summary of Statement by the UN Development Programme, CCW First Review Conference, 'Summary Record of the 5th Meeting', CCW/CONF.I/SR.5, September 27, (1995);

146. Summary of Statement by Christoffel Blinden mission (CBM), CCW First Review Conference, 'Summary Record of the 6th Meeting', CCW/CONF.I/SR.6, September 28, (1995);

147. ICRC, The Fundamental Principles of the Red Cross and Red Crescent, (1996), p. 2, // URL: <https://www.icrc.org/en/publication/0513-fundamental-principles-red-cross-and-red-crescent>;

148. Statement by Venezuela on behalf of the Non-Aligned Movement, CCW Group of Governmental Experts (GGE) on Lethal Autonomous Weapons Systems, Geneva, March 28, 2018, //URL: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/E9BBB3F7ACBE8790C125825F004AA329/\\$file/CCW_GGE_1_2018_WP.1.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/E9BBB3F7ACBE8790C125825F004AA329/$file/CCW_GGE_1_2018_WP.1.pdf);

149. Statement by the African Group, CCW GGE on Lethal Autonomous Weapons Systems, Geneva, April 9-13, 2018, // URL: http://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmamentfora/ccw/2018/gge/statements/9April_African-Group.pdf;

150. The Campaign to Stop Killer Robots, Membership, // URL: <https://www.stopkillerrobots.org/members/>;

151. The Campaign to Stop Killer Robots, Country Views on Killer Robots, (2019) // URL: https://www.stopkillerrobots.org/wpcontent/uploads/2019/10/KRC_CountryView25Oct2019rev.pdf;

152. US Department of Defense, Directive 3000.09 on Autonomy in Weapon Systems, 21 November, (2012).

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт

институт

Кафедра международного права

кафедра

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

Сидорова Г.Ю. Сидорова

подпись инициалы, фамилия

« 25 » 00 20 20 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01 Юриспруденция, 40.03.01.01 Международное и иностранное право

код – наименование направления

Ответственность за применение автономных систем вооружения в
международном вооруженном конфликте

тема

Руководитель

Сидорова

подпись, дата

к.ю.н., доцент кафедры

должность, ученая степень

В.В. Терешкова

инициалы, фамилия

Выпускник

26.06.2020

подпись, дата

А.В. Бурнакина

инициалы, фамилия

Красноярск 2020